

СМИРНОВА
ДАРИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эгоист.
Только с тобой

СОВРЕМЕННЫЙ

ЛЮБОВНОЙ

РОМАН

Дарина Смирнова

Эгоист. Только с тобой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73149383

SelfPub; 2026

Аннотация

Самоуверенный заносчивый засранец. Богатенький придурок, который пользуется своей внешностью, деньгами и положением и привык, что любая девушка заглядывает ему в рот, посчитав за счастье, если он обратил на нее свое внимание.

– Разденься.

Поднимает на меня взгляд, надменно вздернув одну бровь, словно раздумывает, стоит ли ему снизойти до моей просьбы.

– Ты получишь меня на моих условиях, Максим. Или не получишь вообще.

* История Маши и Максима

* Содержит нецензурную брань и откровенные сцены

* Однотомник

* ХЭ

* Можно читать отдельно

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	109
Глава 8	126
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Дарина Смирнова

Эгоист. Только с тобой

Глава 1

Маша

– Ну вот. А сегодня мы с ним идем на свидание... – я жму на рычажок пульверизатора и над красно-зелеными листьями-кувшинками насекомоядной гелиамфоры появляется влажное облачко, – комара хочешь?

Звякает колокольчик на двери, и внутрь входит Мира. Выглядит как всегда сногшибательно: точеная фигурка в зеленом приталенном кашемировом пальто, на лице легкий ненавязчивый макияж, белокурые шелковистые волосы до плеч уложены волосок к волоску. Ей идет эта стрижка, хотя я бы на ее месте отпустила волосы подлиннее.

– Мир, привет! Я тебе там кофе купила в надежде, что ты отпустишь меня на пятнадцать минут пораньше, если, конечно, Маркуша с проверкой не заявится. Пей скорее, пока не остыл.

– Ладно, – смеется в ответ Мира и идет в подсобку.

Только она скрывается за дверью подсобки, как колокольчик на входе снова звякает. Ух! Какой красавчик. Высокий,

статный. Фигура подтянутая и спортивная. Гладкие, черные как смоль волосы чуть длиннее, чем обычно носят мужчины, слегка прикрывают уши и подчеркивают острые скулы. Твердая линия гладковыбритого подбородка с едва заметной ямочкой, прямой нос и красивый изгиб немного полных чувственных губ. И одет со вкусом: светло-голубая рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу, открывая загорелую кожу мощной шеи, край укороченной ветровки лишь сильнее подчеркивает широкие плечи, крепкие бедра облеплены черными брюками, а из-под манжеты рубашки выглядывает черный кожаный браслет часов, с виду простеньких и обычных, но я знаю, сколько примерно такие стоят. Недавно выбирала часы в подарок и из любопытства посмотрела цены на самые дорогие и брендовые. У этих, что сейчас на его запястье, ценник содержит то ли шесть, то ли семь нулей. Так что именно они дают понять, что красавчик привычен к неоправданно дорогим вещам. А еще то, что он явно ошибся адресом. На флориста-любителя совершенно не тянет, на цветовода-профессионала тем более и даже до благоверного мужа, которому супруга дала четкий список, что купить ко дню рождения, никак не дотягивает.

Интересно, что он тут забыл? Решил впечатлить какую-нибудь супермодель необычным цветочком? Сомневаюсь. Такие обычно максимум, на что способны, – это банальные розы и украшения с блестящими камушками. Увидел на вывеске слово «растения» и решил, что где растения, там и

цветы, а где цветы, там и розы? Впрочем, не мое это дело. Мое дело – вежливо улыбаться, даже если посетитель ошибся дверью при поиске туалета. Так что я отставляю пульверизатор, натягиваю на лицо милую улыбку и иду к красавчику, который встал напротив одной из изящных белых резных этажерок, сунув руки в карманы брюк и рассматривая ассортимент.

– Здравствуйте. Могу я вам помочь?

Мужчина поворачивается и, прежде чем ответить, несколько секунд смотрит мне в глаза, отчего я делаю то же самое, невольно отмечая при этом, какие у него густые и пушистые, прямо-таки девчоночьи, ресницы и насколько глубокий и насыщенный цвет пронзительных темно-карих глаз цвета горького шоколада. А еще в этот момент я понимаю, что издалека мне только показалось, будто ему немногим больше двадцати. Ему лет тридцать или около того.

– Можешь... – бесцеремонно сразу переходит на «ты», – Мария, – опускает взгляд на мой бейдж, приколотый к блузке, и задерживает его в области груди гораздо дольше, чем требуется для того, чтобы прочесть написанное там имя, – хочу выбрать что-нибудь в подарок, – снова смотрит в глаза.

– Тогда, думаю, стоит отталкиваться от предпочтений того, кому вы собираетесь его дарить, – поясняю с улыбкой, непроизвольно замечая, что за то время, пока его взгляд побывал в области моей груди, он ощутимо изменился. Словно его владелец за это время успел приложиться к бутылке

и хорошенько надратся.

– Я собираюсь его дарить, Мария, – снова опускает взгляд на мой бейдж и продолжает вкрадчивым баритоном, сочно смакуя каждое слово, – одной очень хорошенькой маленькой сучке, которая сегодня вечером будет повизгивать на моем члене.

Что за... Мне это сейчас послышалось? Или он действительно это вслух сказал?

Уголок чувственных полных губ дергается в дерзкой усмешке, пока он, не скрывая удовольствия, впитывает мою реакцию, и я понимаю, что нет. Не послышалось.

Оглядываюсь по сторонам и, придвигаясь к нему ближе, заговорщицким шепотом спрашиваю:

– Вы будете заниматься сексом с собакой?

Зря я надеялась, что мне удастся его смутить, потому что мужчина в свою очередь придвигается еще ближе и склоняется к уху, настолько близко, что от неожиданности я порывисто вдыхаю терпко-пряный бархатный аромат его парфюма, отчего в груди все заполняется приятным теплом.

– Нет, Маш, – выдыхает шепотом, щекотнув кожу мятным дыханием, – не с собакой. Но стоять передо мной она будет задницей кверху. Это факт, – выпрямляется обратно и уже серьезно спрашивает, – так ты сможешь выбрать?

Я вздыхаю и тоже серьезно отвечаю:

– Боюсь, мне будет немного сложно помочь с выбором, исходя из сделанного запроса.

– Выбери что-нибудь на свой вкус.

– Тоже мимо.

– Это почему?

– Ну. Мои вкусы могут немного не оправдать ожиданий.

– Давай так. Покажи мне цветы, которые тебе нравятся больше всего, чтобы было, от чего отталкиваться, а дальше разберемся.

– Тогда не цветы, а цветок. Вот. Это насекомоядная гелиамфора.

Максим

Девчонка ведет меня мимо стеллажей, огибая столы и столики с витыми ножками, к тому, у которого стояла, когда я только вошел, и демонстрирует скопление зелено-красных листьев, скрученных расширяющейся кверху трубочкой.

– Добиться ее цветения сложно, но цветет очень красиво, – начинает с воодушевлением, – цветы выглядят как поникающие венчики в форме колокольчиков, состоящих из нескольких лепестков кремового оттенка. Еще бывают белого и розоватого, но кремового мне нравятся больше всего. Могу фотографии показать.

Достает телефон и быстро щелкает по экрану.

– Вот, – поворачивает телефон экраном ко мне, и я, недолго думая, кладу свою руку поверх маленькой горячей ладошки.

По-моему, в этот момент мы вздрагиваем одновременно,

словно в месте соприкосновения нас шибануло молнией.

– Можете взять посмотреть.

Поспешно освобождает руку и протягивает мне телефон.

– Гелиамфора – это растение-хищник. Вот эта небольшая крышечка, – бросаю беглый взгляд на то, что она там показывает, и дальше листаю фотки, – называется нектарной ложкой. Она покрыта железами, выделяющими нектар. Аромат нектара привлекает насекомых, и добыча тонет в жидкости внутри кувшинообразных листьев, а процессу переваривания способствуют находящиеся в ней бактерии...

Цветет эта ее гелиамфора, похоже, что летом, потому что вслед за фотографиями цветов идет фотография самой Маши, лежащей на шезлонге попкой кверху в крошечном красном купальнике. Маленькие розовые пяточки, стройные длинные загорелые ноги, а дальше эластичная ткань обтягивает упругие полушария ягодиц и заканчивается чуть ниже изящного прогиба в поясице. Маша лежит на животе, подперев щеку согнутой в локте рукой, и читает книгу. Возможно, не знает, что ее снимают, – в камеру не смотрит.

– Гелиамфора нуждается в ежедневном поливе и большом количестве света. Поэтому для ее выращивания желательно приобрести фитолампу. Полив осуществляется дистиллированной водой, а также важно регулярно опрыскивать растение для поддержания оптимальной влажности...

На следующей фотке Маша уже явно в курсе, что ее снимают. И купальник в этот раз другой. Голубой, слитный. Он

идет ей гораздо больше, потому что подходит к цвету ее глаз. Она сидит в нем на песке, скрестив ноги, и пытается собрать в хвост буйную копну вьющихся медово-русых золотистых волос. Смеется при этом.

– В естественной среде обитания гелиамфора произрастает на бедных почвах, поэтому подкормки...

– Я беру, – перебиваю, не дослушав.

– Правда? Берете? – уточняет с нотками какого-то бесхитростного наивного восторга в голосе.

– Ага, – подтверждаю, быстро пролистывая фотки в обратном порядке и протягивая ей телефон.

– Хорошо, – улыбается, и персиковая кожа щек покрывается легким румянцем. Не от смущения. По-моему, она от удовольствия покраснела. А-хре-нет. У меня встал. Ладно, пижжю. У меня встал, еще когда я ее фотки смотрел.

Маша несет цветок к стойке с кассой и наклоняется, чтобы достать коробку, прогибаясь в поясище и округляя маленькую упругую задницу. Да я оценил уже, малышка. Можешь не стараться.

Маша

Оформив покупку, выхожу из-за стойки и протягиваю ему коробку.

– Спасибо за покупку.

Мужчина берет коробку, пару секунд держит в руках, а потом протягивает обратно.

– Это тебе.

– Мне?

В смысле... мне...

– Тебе.

Я беру коробку и ставлю обратно на стойку. Мне, значит... Все только что сказанные им слова о предназначении цветов мгновенно проносятся в мозг, а следом там взрываются огненные фейерверки. Мне, значит. Ах ты!

– А ты ничего не перепутал? – мгновенно отбрасываю формальную вежливость. Внутри все кипит и бурлит.

– Нет, – отзывается невозмутимо, – к чему тратить время на ненужные реверансы? Ты знаешь, чем это все закончится, я тоже.

– И чем же, позволь уточнить? А то мало ли мы неверно друг друга поняли.

Бессовестный нахал протягивает руку и поправляет мне прядку волос, заправляя за ухо. Не успеваю отшатнуться, убирает руку и усмехается.

– Я тебе с самого начала это озвучил. Могу повторить. С меня парочка подарков. С тебя разочек встать раком. Подарки можешь сама выбирать какие захочешь.

Я ведь сейчас правильно поняла? Он намекает, что я... ну и нахаал. У меня от подобной наглости аж в глазах темнеет.

– Если очень надо, могу и деньгами отдать, – продолжает тем временем с той же невозмутимой миной.

Всё. Забрало окончательно опускается. Я размахиваюсь

что есть сил и оставляю на его симпатичной мордашке ярко-красный отпечаток своей ладони.

– Пошел вон отсюда!

– Ух! Как убедительно. Я почти поверил.

– Тогда на вот тебе! Для большей убедительности.

Вторая оплеуха прилетает точно в цель, что, впрочем, совсем не удивительно, поскольку засранец никак этому не сопротивляется. Он явно специально меня провоцирует и забавляется ситуацией. А по лицу получать, очевидно, привык. Я еще не успеваю решить, нужно ли вклепить ему следующую затрещину, как он внезапно делает резкий выпад, хватая меня за талию, рывком впечатывает в себя и склоняется к моему лицу.

– Пусти меня! Придурок! – я отворачиваюсь и отпихиваю ненормального ладонями.

– Максим! Ты что творишь?! Отпусти ее! – раздается от двери в подсобку крик Миры, и я мимоходом отмечаю то, что она называет его по имени. Значит, знает.

Только от этого не легче, потому что чокнутый нахал никак не реагирует на ее крик. Я яростно брыкаюсь в его руках, пытаюсь вырваться, на что он, продолжая одной рукой держать меня за талию, второй зарывается в волосы и скручивает их на затылке в кулак. Черт. Надо было в хвост собрать...

– Максим!!! – еще громче кричит Мира.

Максим снова не обращает на нее ни малейшего внимания. А я теперь, будто зажатая в тиски, и шелохнуться не мо-

гу. Не могу не заметить, насколько он сильный. Наверняка не вылезает из какого-нибудь фитнес-клуба для богатеньких придурков. Но форма отменная. Словно из стали отлит. Очень горячей, еще не остывшей, стали. Или это в его руках так жарко, или я слишком яростно сопротивлялась, и оттого мои щеки теперь горят. А Максим не сводит взгляда с моего покрасневшего лица. Держит мертвой хваткой и смотрит. В его лице больше нет издевки, но он явно получает удовольствие от происходящего. Сейчас он смотрит на меня так, точно все, о чем он говорил до этого, между нами уже произошло. Или происходит в этот самый момент. Но происходит без моего согласия, если что.

– Отпусти меня, пожалуйста, – прошу его тихо, положив ладони на его каменные плечи и с запрокинутым затылком глядя ему в глаза. Он выше меня на целую голову. Его бы внешность да какому-нибудь нормальному парню, и под этим настолько по-мужски откровенным взглядом, полным разнузданной похоти, я бы уже превратилась в лужу.

– Максим, если ты сейчас же ее не отпустишь, я... я охрану вызову, понял? – снова подает голос Мира, стараясь звучать уверенно, но особой надежды в ее голосе нет.

Максим ожидаемо ее игнорирует. Долго пристально смотрит мне в глаза, наслаждаясь моей беспомощностью, а потом вдруг переводит взгляд на мои губы. Он что, целовать меня собрался?! Задержав взгляд на губах, медленно переводит его обратно в глаза и усмехается. Наклоняется ниже к мое-

му лицу, отчего я прикрываю глаза в ожидании неизбежного. Чувствую, как он невесомо скользит мягкими губами по щеке, и невольно вновь вдыхаю теплый, терпкий и немного колючий глубокий аромат его парфюма, смешанный с запахом табака и мяты.

– Да брось. Я таких, как ты, в губы не целую, – тихо шепчет на ухо. И пусть он ничего больше не говорит, в его словах я отчетливо улавливаю произнесенное «шлюх».

А потом он резко отпускает, так что я, покачнувшись, делаю судорожный вдох, и молча идет к выходу.

Мне же хочется чем-нибудь запустить ему в спину. Да хоть бы вот этот вот горшок с тучным молочаем. Но до такого я, конечно же, не опущусь. Хотя меня буквально подкидывает от того, как внутри все клокочет. Мрачно провожаю его взглядом до тех пор, пока не звякает колокольчик на двери, а дальше не смотрю. И так очевидно, что этот космический корабль напротив входа, припаркованный прямо под знаком «Остановка запрещена», принадлежит этому... этому...

В подсобке трясущимися руками хватаю свою сумку и перетряхиваю содержимое в поисках расчески.

– Маш, что случилось? Вы с Максимом знакомы, да? – спрашивает Мира, входя следом.

– Что? Нет, конечно. Придурок какой-то! Больной... первый раз такого нахала встречаю. Решил, что ему все можно.

– Маш, прости, это, наверное, я виновата, – вдруг расстроено говорит Мира, – Максим – он лучший друг Богдана.

Так получилось, что сегодня он меня довез до работы. Но я, если честно, не думала, что он станет заходить. В машине с ним попрощалась.

– Ой, Мир. Как ты можешь быть виновата в том, что кто-то ведет себя как неандерталец? И неважно, знаешь ты его или нет. Хотя мне лично среди знакомых такие типы точно не нужны.

Мира явно искренне переживает из-за произошедшего. Она вообще мне очень нравится. Я бы с удовольствием общалась с ней ближе, чем в качестве просто коллег по работе, но Мира хоть и добрая и с виду приветливая, но на самом деле достаточно замкнутая, сдержанная и со всеми соблюдает дистанцию. А еще она дружит с Настей – другой нашей коллегой. А я Настю терпеть не могу. Вспыльчивая, раздражительная и мрачная особа, которая считает, что все ей что-то должны. Не представляю, как Мира ее терпит. Впрочем, это еще одно положительное качество Миры. Она терпеливая. Терпеливая, уравновешенная и рассудительная. Начни Максим что-то подобное говорить ей, она бы, наверное, с вежливой улыбкой ответила ему, что он не по адресу, и пошла заниматься своими делами.

Больше тему случившегося Мира предусмотрительно не поднимает или действительно забывает о произошедшем. Она вообще последние несколько недель, после того как стала встречаться с этим своим Богданом, порхает как бабочка и витает где-то в облаках.

Приведя себя в порядок, я выхожу в зал и спрашиваю у нее фамилию Максима под предлогом того, что хочу сделать отмену его покупки. Гелиамфору он, понятное дело, не забрал. Покупку я и правда отменяю, а потом достаю телефон и без особого труда нахожу его в соцсети.

Из любопытства влезаю на его страничку и просматриваю фотографии. Девушки у Максима, судя по всему, нет. Точнее, есть, но каждый раз новая. Почти на всех фотографиях он стоит в компании какой-нибудь улыбающейся красотки, а то и нескольких сразу. Большинство фотографий сделаны в каком-то по виду ночном клубе, каждый раз одним и тем же. По-моему, диагноз тут понятен. Мужчина с пониженной социальной ответственностью. Вставляет везде, где есть вход. Пользуется своей внешностью, деньгами и положением и привык, что любая девушка заглядывает ему в рот, посчитав за счастье, что он обратил на нее свое внимание. Скукотища. А еще про *меня* что-то там намекал. Да проецируй сколько влезет! Шлендра в брюках...

Тут еще полно всяких ссылок, но я решительно закрываю страницу. Не хочу больше ничего про него знать.

Максим

Мне кажется, еще немного и эта ее гелиамфора прилетела бы мне в голову за то время, пока я шел к выходу. Сам не понимаю, что на меня нашло. Когда я вообще девкам хамил? С чего вдруг стал вываливать на нее свою идеологию? Отку-

да это желание задеть и поставить на место? Нет. Конечно, мне попадались такие, которые отказывали, но единственное, что я при этом усвоил: если не сказала «да» в первый раз – значит, скажет во второй. Была среди таких даже парочка девственниц. Невелика ценность. Они все не из идейных соображений свою девственность берегут, всего лишь ждут нужного момента, чтобы повыгодней ее продать. Потом были слезы, истерики и звонки по ночам, хотя я ни разу не вспомнил, чтобы что-то им обещал или хотя бы намекал на нечто серьезное. Со временем стал таких сторониться. Убедился, что много усилий все равно не потребуется и со временем они неизменно раздвинут ноги, и решил, что эти усилия мне не очень-то и хочется прилагать. Кругом полно на все готовых одноразовых кукол. Зачем напрягаться? Как говорится, если разницы нет, то зачем платить больше?

А сейчас я чувствую что-то странное. Непреодолимое желание подмять под себя эту златовласку, отдающее резью в области паха. По-моему, со мной такое впервые. Ощущения незнакомые. Зудящие. И вызывающие острую потребность хоть как-то уgomонить этот зуд. Думаю, разочек в рот и разочек сзади, и меня отпустит. Начал только не с того. Всего-то нужно сменить тактику. Им всем нравится одинаковое: блестящие цацки, веник подороже и ресторан поэлитней. Всё. Потом еби куда хочешь. А я хочу. Охренеть как хочу. Последний раз я так хотел, стремно признаться, девушку своего единственного и лучшего друга. Ага. Ту, которую я сегодня

привез на работу в этот долбаный магазин, будь он неладен, потому что у Богдана из-за нее окончательно слетел колпак. Отправился вершить правосудие, а мне на это время сдал ее на поруки. Вообще говоря, тогда она его девушкой еще не была, потом уже стала, но тем не менее. И то в тот раз я вполне себе смог сдержаться и быстро выкинуть ее из головы. Легко зацепило, легко отпустило. А сейчас не отпускает. Хочешь не хочешь, а придется что-то с этим делать. А делать мне с ней хочется лишь одно. То, для чего они все, собственно говоря, и нужны.

Глава 2

Маша

Вечером Мира отпускает меня пораньше, так что по времени я успеваю заскочить в ателье на углу за готовым платьем. Алла обещала дожидаться меня в любом случае, но я не хочу ее задерживать, а для Миры непринципиально, чтобы я досидела смену до конца. Все равно людей под закрытие почти нет. Мы с ней частенько выручаем друг друга в мелочах. Еще одно несомненное ее достоинство – с ней легко договориться.

На улице уже почти стемнело, фонари еще не горят, но первое, что я замечаю в вечерних сумерках, – крутую спортивную машину, стоимостью в несколько десятков моих квартир, припаркованную на том же месте, что и утром. Максим стоит, небрежно привалившись к капоту, пальцами одной руки листает на экране своего смартфона, в пальцах второй зажата сигарета, оранжевый огонек которой вспыхивает ярче, когда он подносит ее ко рту, со вкусом затягиваясь. Любитель удовольствий. Даже курит, как будто... какие, право, неуместные ассоциации рождаются... Мира что-то говорила про то, что он утром привез ее на работу. Наверное, и забрать ее приехал.

Максим поднимает голову на звонок колокольчика на вхо-

де в магазин, когда за мной закрывается дверь, бросает окурок под ноги, придавливая подошвой ботинка, и убирает телефон во внутренний карман ветровки.

– Маш, иди ко мне.

Какой же у него голос... вкрадчивый размеренный баритон, обволакивающий мягким бархатом и оседающий мурашками на коже, стекающими вниз живота. Так разговаривает демон-искуситель, протягивающий тебе отравленное яблоко. Наверняка знает, какое производит впечатление, и пользуется этим на полную катушку.

Мне бы уйти, гордо задрвав подбородок, но любопытство берет верх и я перехожу тротуар, молча вставая напротив него.

– Сейчас. Подожди. У меня тут...

Максим открывает переднюю дверь, берет с сиденья и вытаскивает из машины охапку бордово-красных роз.

– Это тебе.

Я беру цветы, с трудом сдерживая желание расхохотаться. Розы. Красные. До чего же предсказуемо.

– Маш, я извиниться хотел. Я жалею, что наговорил тебе всей этой ерунды.

– Вот как? – невинно уточняю, зарываясь носом в ароматные лепестки.

– С девушкой вчера расстался, чувствую себя паршиво, вот и заносит теперь. Ты мне на самом деле понравилась. Очень.

– Максиим, – выдыхаю сочувственно.

С девушкой, значит, расстался. Интересно, с которой из? Врет как дышит и не краснеет. Засранец.

Я придвигаюсь к нему вплотную и встаю на цыпочки. Ух! До чего же он высокий. Потрясающе. Кладу свободную руку ему на плечо, ощущая стальные мышцы под плотной, чуть шершавой тканью ветровки, и тянусь к его лицу, с удовольствием отмечая, как он наклоняется и ловит взглядом мои губы, словно ждет, что я его вот-вот поцелую. Невесомо мажу губами по его щеке и склоняюсь к уху.

– Иди к черту, Максим, – говорю ему шепотом.

Вот тут уже, глядя на его мгновенно помрачневшее ободренное лицо, не могу удержать смех и, громко смеясь, иду к углу здания, где располагается маленькое швейное ателье.

– Маш, привет, – Алла с набитым ртом выходит из проема открытой двери подсобки, – все готово, – пошарив на полках над длинным белым столом, протягивает мне сверток, – примерь, должно подойти, – переводит взгляд на букет в моей руке, – ммм... какие цветочки... – и откусывает кусок пирожка, следом с шумом отпивая из стаканчика кофе, который поставила рядом с собой на стол.

Я лишь вздыхаю, кладу букет на край стола и иду в тесную узкую примерочную. Алла свое дело знает. Платье сидит на мне как влитое. С финансами у меня последнее время напряженка, а новое платье хочется. Так что я решила немного перешить то, что осталось от мамы. У мамы была совсем

другая фигура. Поэтому в бедрах платье пришлось ушить, а в области груди Алла его полностью переделала. Отрезала рукава и сделала вырез-сердце без бретелек с открытыми плечами. По-моему, смотрится отлично. Темно-голубая ткань в пол ненавязчиво переливается в искусственном свете, разрез от бедра, высокая талия, вот только...

– Алла, а оно с груди точно не свалится? – я выхожу в маленький зал, где Алла сидит прямо на рабочем столе, продолжая жевать.

– Куда оно свалится-то, чего выдумываешь?

– Не знаю. Мне как-то непривычно, что оно ни на чем не держится, я такие раньше не носила.

Алла соскакивает со стола, подходит ко мне и подергивает лиф, проверяя, насколько плотно сидят чашечки.

– Не придумывай. Сидит плотно. Ну хочешь, лямку еще пришью?

– А это долго?

– Да недолго. Минут десять.

– Давай тогда пришьем. Мне так удобнее будет.

Я еще раз бросаю взгляд в зеркало на стене примерочной, прикидывая, не будет ли лямка выглядеть лишней, а потом, повинувшись какому-то внутреннему чутью, перевожу его в сторону широкого окна. Фонари так и не зажгли, в ателье у Аллы горит свет, но сквозь стекло я все равно вижу полыхающий с той стороны темной улицы ярко-оранжевый огонек сигареты, который вдруг вспыхивает еще ярче и долго

не гаснет, как будто у владельца этой сигареты такой объем легких, что он может выкурить ее за одну затяжку.

Пока Алла строчит машинкой, пришивая к лифу широкую лямку, задумчиво рассматриваю лежащий на столе букет. Розы мне подарил. Может, я ромашки люблю. Я же... Маша... Ладно, вру. Я люблю розы. Я самая простая обычная девушка, которая любит красивые цветы. Любые. Лилии только не люблю, потому что от их запаха голова болит. Дело ведь не только в цветах, а в том, кто их дарит и зачем...

После того как Алла заканчивает стрекотать машинкой, еще раз примеряю платье и, оставшись полностью довольной, забираю пакет. Благодарю Аллу и толкаю плечом дверь на улицу.

– Классное платье, Маш. Только без лямки лучше было.

– Господи... опять ты... как ты мне надоел...

Максим делает шаг мне навстречу, бросая сигарету в лужу, и обхватывает руками за талию. Пользуется тем, что в одной руке у меня пакет с платьем, в другой – подаренный им букет, а чтобы попытаться его отпихнуть, мне придется их выкинуть. А выкидывать их я не стану: по обе стороны от нас лужи на асфальте.

– Максим, отпусти меня, пожалуйста. Ты переходишь все границы.

– А кто-то сказал, что я собирался их соблюдать?

Протягивает одну руку, второй продолжая держать меня за талию, и касается костяшками пальцев щеки. Глядя в гла-

за, медленно поглаживает, проводит подушечками пальцев вдоль лба, очерчивает скулы, убирает с лица растрепавшиеся прядки волос и снова поглаживает по щеке на этот раз тыльной стороной среднего и указательного пальцев.

Я стою, не шевелясь, и молча смотрю на него снизу вверх. Даже интересно, как далеко он позволит себе зайти.

Максим никуда не торопится. Неотрывно смотрит в глаза и все так же не спеша поглаживает пальцами по лицу.

– Максим, слушай, у меня к тебе предложение, – пока я это говорю, он почти нежно оттягивает и приглаживает пряди волос у виска и около лба, – я принимаю твои цветы и извинения, делаю вид, что забыла о твоей утренней выходке, а ты оставляешь меня в покое и мы тихо-мирно расходимся.

– Дай-ка подумать, – наигранно задумчиво закатывает глаза и медленно склоняется к уху, придерживая меня ладонью за затылок, – нет, – выдыхает тихо.

Крепче прижимает меня к себе, и где-то в районе живота через неплотную ткань брюк я чувствую вдавливающуюся в меня неприлично большую и неприлично твердую эрекцию. От подобной откровенности перехватывает дыхание, и я на мгновение отвожу взгляд в сторону. Тут же возвращаю обратно. Максим так и смотрит мне в глаза, и я вижу на его губах дерзкую усмешку. По-моему, он сейчас, ни капельки не смущаясь, целенаправленно дал мне почувствовать свое возбуждение.

– Отвезти тебя домой?

– Нет.

– Гордая? – уголок чувственных полных губ опять дергается в усмешке.

– Да, Максим. Очень гордая. А еще я за рулем. Отпусти меня уже, пожалуйста.

– Ну пройти-то дайте, голубки, – раздается позади меня голос Аллы.

Максим бросает взгляд за мою спину и нехотя разжимает руки.

– Маша, пока! – бросает через плечо Алла.

– Пока, Алла! Спасибо еще раз!

Я, не оборачиваясь, иду вслед за Аллой к машине, которую оставила утром тут же, потому что забежала перед работой на промежуточную примерку. Открываю заднюю дверь, кладу пакет с платьем и цветы на сиденье и сажусь за руль. Жаль, что в моей машине нет подогрева. В мокрых трусах и на холодное сиденье. Все-таки с такой внешностью ему и нормальным парнем не надо быть, чтобы... черт...

Глава 3

Маша

Собственно, моя машина и стала причиной моего плачевного финансового положения на текущий момент. Я очень долго копила и, когда набралась нужная сумма, купила эту машину, несмотря на то что денег набралось едва-едва. Надо было отложить покупку еще ненадолго, потому что обычно я всегда держу хотя бы небольшую денежную подушку на случай форс-мажоров, но у меня не хватило терпения. К тому же менеджер автосалона заверил меня, что после Нового года непременно будет подорожание. В общем, я решила, что какое-то время смогу экономить, но экономить я умею не очень хорошо, потому что не люблю, а теперь еще обстоятельства сложились таким образом, что мне нужна весьма приличная по меркам моего дохода сумма в самое ближайшее время, так что вместо экономии я планирую подыскать себе подработку.

Оставив машину у подъезда, поднимаюсь на второй этаж, вваливаюсь в прихожую и поспешно стаскиваю ботинки, наступая на задники. Спотыкаюсь о разбросанную по прихожей обувь и мчусь сначала в комнату, потом в ванную. Надо привести себя в порядок – и сразу на выход. В кухню заглядываю скрепя сердце. Во-первых, с трудом удерживаюсь от

того, чтобы что-нибудь съесть, ибо в ресторан объевшись не ходят, а во-вторых, здесь я тоже не успела навести порядок и жутко расстраиваюсь, замечая тарелку с прилипшей к ней гречкой. Водой залью. Отмокнет. Дома у меня часто бывает, так сказать, творческий беспорядок. С моим ритмом жизни любая уборка превращается в квест «Убрать за шестьдесят секунд». Помню, как однажды у меня завалился девчачий дневник, какие часто ведут подростки, за спинку дивана и с тех пор так там и лежит. Несколько лет уж прошло, и за эти несколько лет я ни разу не отодвигала диван, чтобы сделать генеральную уборку. Еще вот личную жизнь наладить пытаюсь. До конца пока не уверена, что мне это действительно нужно, но пытаюсь.

С Кириллом мы познакомились случайно. Он работает менеджером в банке, куда я пришла получать новую карточку, потому что у старой истек срок действия. Во время моего визита он не подал виду, что я как-то ему понравилась, а вечером мне позвонил. Оказалось, переписал мой номер из клиентской базы данных и честно признался, что его за такое могут уволить. Наши отношения я бы назвала вялотекущими. На самом деле Кирилл совсем недавно закончил университет, работает еще только четыре месяца и живет с родителями. По-моему, он из-за этого комплексует. К себе он ни разу меня не приглашал, время от времени мы созваниваемся или вот как сегодня ходим на свидания. Хотя сегодняшнее свидание несколько отличается от остальных, поскольку

мы идем не просто на свидание, а в очень дорогой и хороший ресторан. Отсюда, собственно говоря, и моя потребность в новом красивом платье. Так. Волосы, пожалуй, оставлю распущенными. Макияж получился сносный. Туфли... туфли с собой возьму. Переодену в машине.

На скамейке у подъезда сидит Славик из квартиры напротив. В свои шестнадцать уже на полголовы выше меня, но при этом тощий, как палка: видимо, его мышцы просто-напросто не успевают за столь стремительным ростом костей. Увидев меня, соскакивает со скамейки и увязывается следом, шлепая по лужам своими безразмерными, больше похожими на лыжи кроссовками. Белые, а он по самой грязи чапает.

– А ты куда собралась?

– Не твое дело.

– На свидание идешь?

Все то время, пока иду до машины, Славик упорно тащится следом, выдвигая одно за другим предположения относительно моих планов на вечер.

– Слав, чего тебе надо, а?

– Да я поболтать просто хотел, – отзывается обиженно, – уже и поговорить нельзя, – и тут же без перехода: – Дай стольник на сухарики.

– Слав, за дуру меня не держи. Я всё про твои «сухарики» знаю. Ты бы лучше, чем «сухариками» заниматься, бабушке с ремонтом помог.

– Нету у нее денег на ремонт. Она обои эти отдирает старые, а на новые денег все равно нету. И зачем она их отдирает?

– Слав. Нельзя так говорить. Она ведь старается.

– Старания на стену не приклеишь, – отзывается мрачно, пиная носком кроссовки камешек под ногами.

– Так нашел бы что приклеить, Слав.

– Мне вообще-то шестнадцать. Я еще маленький, чтобы работать.

– Ну. Для «сухариков»-то ты не маленький. А как работать, так сразу маленький. Все равно вон школу прогуливаешь. Пожалеешь потом, да поздно будет.

– А ты на мне свои эти штучки психологинские не тестируй, поняла? На меня не действует.

Доверия я у Славика, очевидно, не вызываю. С тех пор как узнал, что я учусь на детского психолога, он старательно выискивает подвох в каждом моем слове. Хотя пытаться поговорить с ним было бесполезным и до этого.

Оставив недовольного моей жадностью Славика ни с чем, я наконец-то выезжаю со двора в сторону центра города и спустя минут двадцать останавливаюсь напротив двухэтажного вытянутого здания, переливающегося яркими огнями огромных окон чуть в стороне от основной дороги.

Здесь достаточно мило. Вход предваряет застекленная терраса с открытой полукруглой аркой, украшенной оранжевыми огоньками. Кирилл уже стоит на террасе в ожидании.

Не знаю, давно ли он меня ждет и на чем приехал, но я приехала вовремя. У Кирилла своей машины пока еще нет, а от моего предложения заехать за ним он категорически отказался: то ли мужская гордость не позволила согласиться, то ли стесняется, то ли не хотел меня обременять, потому что живет на другом конце города.

На нем черный брючный костюм с галстуком, остроконечный подбородок тщательно выбрит, а густые русые волосы гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб. Кирилл довольно симпатичный. В эталонной красоте его, конечно, не обвинишь, но у него потрясающе красивые зеленые глаза, идеальной формы густые брови и очень обаятельная мальчишеская улыбка. А вот спортом на его месте я бы занималась чаще. С такой, как у него, сидячей работой нужно больше двигаться. Но костюм ему идет. Я первый раз его вижу в костюме. Даже тогда в банке это была просто рубашка.

Мы уже вошли внутрь, в небольшое, предшествующее основному залу помещение, где можно сдать одежду в гардероб и привести себя в порядок у стены с несколькими зеркалами в полный рост, и Кирилл помогает мне снять куртку.

– Маш, ты бесподобно выглядишь.

– Спасибо, Кирилл, – я скептически оглядываю свое отражение в зеркале, – а тебе не кажется, что без лямки было бы лучше?

– Да не, Маш. Шикарно смотрится. Иди ко мне, – притягивает меня за талию, – ты на принцессу похожа, Маш.

Я кладу ладони ему на плечи и позволяю меня обнимать. Обычно в общественных местах он такого себе не позволяет. Значит, есть причина. И мне любопытно какая.

– Маш, слушай, я тут подумал... у меня родителей сегодня дома нет. Только завтра вернутся. И я подумал... ну... нет, ты только не подумай ничего, я не настаиваю и не давлю. Пойму, если откажешься, и подождать могу сколько нужно.

Я поднимаю на него взгляд и поглаживаю ладонью по щеке. Он такой забавный, когда теряется. Но если делаешь девушке подобное предложение – будь мужчиной, говори до конца. Мой жест его, похоже, приободряет, и он все-таки произносит это вслух:

– Поехали ко мне после ужина. Если захочешь. Но если не захочешь, я пойму. Специально сейчас тебе это говорю, чтобы ты подумать могла.

– Хорошо, Кирилл. Я подумаю.

– Ты изумительная, Маш, – выдыхает уже у самых губ и целует.

Максим

С ушлепком каким-то сосетса...

Что я тут делаю? Да какая нахер разница?! Она там с каким-то ушлепаном... это прикол такой? Что она в нем нашла? За задницу ее. Прямо на входе. На вас администратор смотрит, аллэ!

После того как сладкая парочка скрывается в глубине за-

ла, выхожу из машины, выкуриваю штуки три сигареты подряд – вот-вот и никотин из ушей покапает – но остановить запустившуюся термоядерную реакцию один хрен не получается. Собирался всего-навсего проследить, куда она отправилась, и действовать по обстоятельствам. Узнал, где живет. Хотел уже уехать, потому что решил, что сегодня она никуда больше из дома не выйдет, а в квартиру к ней ломиться пока рановато. Пошлет. А потом в платье в этом ее увидел, которое она после работы в том ателье примеряла. В общем, собирался действовать по обстоятельствам, но сам не заметил, как обстоятельства сложились таким образом, что дальше за меня действует кипящая в мозгах сперма вперемешку с жадой убийства.

То есть меня она отшила, а с таким, как этот...

Маша

Официант откупоривает бутылку вина и разливает по бокалам. Наш столик относительно уединенный, но зал отсюда просматривается хорошо и, делая глоток, я с интересом изучаю обстановку и других посетителей. И едва не давлюсь вином, когда справа от меня раздается небрежное:

– Привет.

Максим бесцеремонно плюхается на соседний стул, откидываясь на спинку и чуть сползая задом по гладкой атласной ткани сиденья.

– Здравствуй еще раз, Максим, – отзываюсь максимально

нейтрально и сдержанно.

Ни за что не поверю, что он оказался тут случайно, потому что тоже решил поужинать. Подобному упорству можно только позавидовать, хотя, по-моему, это уже граничит с патологией. И долго он меня теперь преследовать будет?

Кирилл переводит удивленный взгляд то на меня, то на Максима.

– Максим, – протягивает ему руку через стол.

– Кирилл, – растерянно жмет в ответ.

– Кирилл, Максим знакомый моей коллеги по работе. Мы с ним сегодня случайно познакомились, и он уже уходит.

– Разве? – выгибает бровь Максим, словно я сказала несусветную глупость.

– Да, Максим. Ты, наверное, не заметил, но у нас с Кириллом свидание. И мы хотели бы провести время вдвоем.

– Слушай, Кирилл. А ты уже поел? – полностью проигнорировав мою последнюю фразу, обращается к Кириллу, который сидит словно воды в рот набрал.

– Да мы только сели, – отзывается в смятении, – и не начинали еще.

– Да? Тогда у меня к тебе предложение. Ты сейчас отсюда сваливаешь ко всем хренам, и мы заканчиваем этот вечер без тебя. Пообщаетесь в другой раз. Ты только в плюсе останешься. За ужин платить не придется. Я тебе еще даже накину за неудобства.

И небрежным жестом бросает на стол пачку купюр.

Кирилл смотрит на деньги расширившимися глазами и поднимает на Максима ошалелый взгляд. Я молча наблюдаю за этим цирком, потому что теперь стало даже интересно. Он вообще собирается ему хоть что-нибудь ответить? Максим ведь не только его этим сейчас унижает. Меня тоже.

– Что, мало? – уже на полном серьезе уточняет Максим, лезет в карман и бросает на стол еще пачку.

Кирилл снова опускает взгляд на деньги, пару секунд молча на них смотрит и... тяжело сглатывает.

Кажется, мне все понятно. Я с шумом отодвигаю стул и встаю из-за стола. Иду к выходу, но через пару шагов возвращаюсь обратно и беру со столика бокал с остатками вина. Пожалуй, отбросим в сторону никому не нужное показное благородство и высокоумудрие. С мгновение решаю, кому из них выплеснуть содержимое бокала в лицо, потому что на двоих тут не хватит, и выбираю Кирилла. У Максима-то на лбу написано, что он придурок, с ним хотя бы сразу все понятно было, а вот Кирилл...

– Не забудь за меня заплатить, – стукаю бокалом об стол, – ты теперь богатый.

А теперь можно и уходить. На Максима я целенаправленно не обращаю ни малейшего внимания. Вообще не смотрю в его сторону.

– Мааш. Маш, подожди, – зовет меня в спину Кирилл, но как-то вяло и неуверенно. Уж лучше бы вообще молчал. Выйдя на улицу, сажусь в машину и завожу мотор, нетер-

пеливо барабания пальцами по рулю, пока она прогревается.

Телефон в сумочке издает короткий писк, сопровождаемый «вжиком» вибрации, и на первом же светофоре я вытаскиваю его, чтобы проверить.

Максим. Он откуда-то и номер мой узнал.

«А ты далеко ушла? А то я с твоим парнем договорился. На этот вечер ты моя. Цена вопроса 700к».

Я рычу от злости и отбрасываю телефон на сиденье, трогаясь с места.

Дома первым делом иду в кухню и хлопаю дверцей микроволновки, потому что так и не поела и теперь жутко голодная. Взгляд падает на огромный букет бордово-красных роз, стоящий в вазе на подоконнике. Придурок! И цветы эти его дурацкие! А Кирилл, кстати, никаких цветов мне не принес...

Мелодичный «дзыньк» отвлекает от мрачных мыслей, и я сажусь за стол.

Уже когда расстилаю диван и ложусь спать, телефон под подушкой снова издает короткий писк и «вжик».

«Ты мне теперь должна за испорченный вечер».

Я отбрасываю телефон и поправляю под головой подушку, яростно тыкая ее кулаком. Не успеваю нормально лечь, раздаётся еще один короткий писк.

«Долго еще ломаться будешь?»

Следом почти без перехода прилетает еще одно сообщение:

«Уж слишком старательно цену себе набиваешь».
Достал. Где тут в спам его занести? А. Вот. Нашла.

Глава 4

Максим

Дааа... немного все пошло не по плану. Да по пизде, откровенно говоря, все пошло. Номер мой заблокировала. Чтобы девчонка кинула меня в черный список? На моей памяти подобное случалось со мной примерно ни разу. Мысленно отматываю события назад, прикидывая в какой момент все пошло не так, не считая того, что с самого начала, и понимаю, что еще сотню раз поступил бы так же. Еще не хватало опуститься до соревнований в ухаживаниях с какими-то ушлепками. А так был Кирилл – и нет Кирилла. Временно или навсегда – это уже не мое дело. Чтобы усадить ее на свой член, мне времени хватит, а потом пусть делает что хочет.

Времени я решил не терять и теперь жду ее около подъезда. Знаю, что сегодня у нее смена в цветочном, проезжал мимо – проверил, и надеюсь, что после работы она поедет домой. Сначала думал прямо у работы ее подловить, но она же у нас «за рулем».

Маша

На улице уже темно. После работы я еще заезжала в магазин электроники, чтобы прикинуть цену на ноутбуки и сори-

ентироваться, сколько мне потребуется денег для приобретения того, что с нужными характеристиками. Потом поехала на занятие в «Black cats». На работе сегодня был настоящий аврал: привезли свежую партию цветов, следом приехал Марк Петрович, чтобы лично все проконтролировать и раздать нам памятки по уходу за новыми растениями, которые появились у нас впервые, плюс работа с покупателями, которую никто не отменял. В общем, поужинать не получилось. На голодный желудок тренироваться не слишком-то комфортно, но я и так пропустила прошлое занятие.

Приткнув машину на свободное место и почти дойдя до своего подъезда, под козырьком которого срабатывает автоматический свет, замечаю, что практически у самого входа припаркован летательный аппарат, на котором ездит Максим. Сам он стоит, небрежно привалившись к капоту, и пальцами левой руки щелкает по экрану смартфона. Поднимает взгляд на мои шаги, убирает телефон во внутренний карман ветровки и преграждает мне путь, вставая посреди тротуара.

– Что ты тут делаешь?

– Я ведь говорил, что ты теперь должна мне за испорченный вечер.

– Понятно, – отзываюсь сухо и пытаюсь его обойти.

– Маш, подожди, – выбрасывает в сторону руку, не давая пройти, – у меня тут... – открывает дверь машины и берет с переднего пассажирского сиденья охапку бордово-красных роз, – это тебе.

– Этот фокус у тебя больше не пройдет, Максим.

Я снова пытаюсь его обойти – он снова выбрасывает в сторону руку, преграждая путь.

– Маш, да подожди...

Поразительная настойчивость. Рядом с этим мужчиной ощущаешь себя как под многотонным прессом. Как ни сопротивляйся, все равно раздавит. А я и без того уже в лепешку.

– Максим, пожалуйста, давай не сейчас. Я хочу домой. Я очень сильно устала, а еще очень сильно голодная.

Я говорю ему это без всякого раздражения. Почти просяще. Я действительно сегодня очень устала и единственное, чего хочу, – это горячий ужин, теплый душ и мягкую постель. На то, чтобы устраивать пикировки, у меня нет никаких сил.

– Ладно. Хочешь серьезно – давай серьезно. Это не ты, а я испортил тебе вечер и теперь хочу это исправить. Возьми, пожалуйста, цветы.

Я вздыхаю и все-таки беру букет, рассчитывая, что хотя бы на сегодня вопрос на этом будет исчерпан, но едва прижимаю его к себе двумя руками из-за того, какой он огромный, Максим одним уверенным движением подхватывает меня под колени и спину и еще одним таким же уверенным движением усаживает в машину:

– Умничка. Теперь садись.

И захлопывает дверь.

Максим

Плюхаюсь на водительское сиденье, сажась рядом. Маша молчит. Никак не сопротивляется и не пытается удрать или возмущаться. И смотрит. Смотрит на меня не со злостью, а с какой-то обидой во взгляде, словно я ее не в машину к себе усадил, а задницей в лужу.

– Ну чего ты так смотришь? – спрашиваю и сам удивляюсь своему голосу. Будто я и правда ее жутко обидел и теперь готов на что угодно, чтобы загладить вину, – поужинать просто съездим.

Протягиваю руку и поглаживаю костяшками пальцев по покрасневшей щеке. Кожа у нее нежная и бархатистая. На ощупь нереально приятная. Убираю растрепавшиеся волнистые прядки волос в сторону и снова поглаживаю. Взгляд сам собой стекает от ее бездонных глазниц светло-голубого фиалкового цвета вниз и зависает на губах. Они у нее красивые. Немного пухлые, ярко-розовые и манящие. Скорее всего, мягкие и нежные на ощупь. Невыносимо хочется их потрогать, чтобы проверить наверняка. Я так и делаю. Трогаю. Кладу ладонь ей на щеку и с легким нажимом провожу подушечкой большого пальца по нижней губе.

– Максим, если ты не заметил, ты трогаешь меня без разрешения.

Отстраняюсь и поднимаю руки ладонями вверх.

– Трогать больше не стану. Просто ужин, Маш. Потом до-

мой тебя привезу.

– Хорошо, Максим. Только если...

Щелкаю кнопкой блокировки замков и завожу мотор, сразу вслед за этим вдавливая педаль в пол. Маша как-то устало вздыхает и ничего больше не говорит. Всю недолгую дорогу до «Aquarium» она задумчиво молчит, перебирая пальчиками цветочные лепестки. Я то и дело бросаю на нее искося взгляд и замечаю, что она вся подбирается и напрягается, еще только когда въезжаем на парковку. Тормознувшись у входа, глушу мотор, поворачиваюсь к ней и напарываюсь на очередной обиженный взгляд.

– Что на этот раз?

– Решил надо мной поиздеваться? – спрашивает мрачно и с обидой в голосе.

– Что не так, Маш? – вздыхаю, потому что потихоньку начинаю уставать. Я и без того задолбался у ее подъезда столько времени торчать.

– Что не так?! Это один из лучших ресторанов в городе.

– Я в курсе.

Маша отворачивается к окну и обиженно пыхтит, как маленький еж.

– Ты можешь нормально объяснить, что не так? Только не устраивай, пожалуйста, этот дешевый спектакль с тем, что ты будешь платить за себя сама, а здесь слишком дорого.

– Ты правда не понимаешь?

– Я правда не понимаю.

– Господи! Да посмотри на меня! Как я, по-твоему, пойду туда в таком виде?! Хочешь выставить меня на посмешище?

– Эй, оборванец, ты тут сидеть не будешь.

Мальчик в идеально отглаженной белоснежной рубашке под темно-серым пиджаком с приколотым к лацкану значком персонажа из известного супергеройского фильма нарочито небрежным жестом скинул на пол аккуратно уложенный на углу первой парты потрепанный учебник.

В просторном классе, залитом теплым ярким светом осеннего солнца, уже прозвенел звонок, и первоклашки в ожидании где-то задержавшейся учительницы заканчивали последние приготовления к первому уроку.

Черноволосый мальчонка в потертых брючках с заплаткой на левом колене и пиджаке, рукава которого были слишком коротки для его длинных и худых рук, встал со стула, поднял учебник и снова аккуратно положил обратно на край парты.

– Я буду сидеть там, где хочу, – отрезал мрачно и жестко, вставая напротив холеного задиры.

– Не будешь, – вздернул подбородок обладатель разноцветного значка, – все говорят, что у тебя вши. Ты заразный. В конец класса вали, нищоброд.

Черноволосый парнишка больше ничего не сказал. С неожиданной ловкостью в два счета повалил обидчика на пол и принялся молотить по нему кулаками. Жестоко. Отча-

янно. Так, как уже давно привык.

– Вы что делаете?!

Резкий рывок за воротник, и чья-то сильная рука оттащи-
ла черноволосого вверх и в сторону.

– Фамилия! – крикнула ему в лицо с перекошенным от
злости лицом молодая девушка с короткой стрижкой мед-
но-рыжих волос.

– Полянский, – мрачно и как-то почти по-взрослому се-
рьезно ответил ребенок, смело встречая взгляд серо-зеленых
глаз.

– Сегодня же вызову родителей в школу, – уже чуть
спокойнее проговорила девушка, помогая подняться с пола
второму ребенку, из разбитого носа которого стекала алая
струйка.

– Ирина Семеновна, – подала голос еще одна из первокла-
шек, поправляя пышный белый бант, удерживающий тощий
светлый хвостик, – у Полянского нет родителей. Он живет
в доме, куда сдают плохих и никому не нужных детей. Мне
мама так сказала.

Ирина Семеновна, новенькая учительница начальных
классов, пришедшая на смену внезапно уволившейся колле-
ги, с расширившимися глазами прижала ладошку ко рту, пе-
реживая первый в своей жизни оглушительный педагогиче-
ский провал.

Максим

Пробегаюсь по ней взглядом, и только тут до меня доходит. Голубые джинсы, облегающие стройные длинные ножки как вторая кожа, укороченная черная кожаная курточка, которую она сняла и положила себе на колени, пока ехали, и сиреневый лонгслив с вырезом-лодочкой, открывающий тонкие загорелые ключицы и круглую яремную ямочку в том месте, где они срастаются. Золотистые вьющиеся волосы, легкий румянец на персиковой коже щек, длинные пушистые загнутые кверху ресницы, густые темные брови вразлет. Губы... немного пухлые, ярко-розовые, с капризно вздернутой верхней. И огромные круглые глаза цвета безоблачного летнего неба. Принцесса. Лишь сейчас, внимательно ее рассматривая, ловлю себя на том, что в ней нет ничего, что, по идее, могло бы меня зацепить в девушке. Ни тебе раздутых губ-вареников, между которых хочется пропихнуть стояк, ни толстой задницы, которую нужно хорошенько раздвинуть, когда натягиваешь, ни сисек хотя бы «троечки»: такие, как у нее, трахнуть вряд ли получится. Маленькие. И сама она... маленькая... во всем не такая, как нужно, а в общем и целом – идеальная. Точеная спортивная фигурка, тонкая талия, грудь... все-таки, может, и получится трахнуть, если еще ротик приоткроет. Красивая. Небольшая, но круглая и сочная. Попка маленькая, упругая, подтянутая. Как же крышесносно она на члене смотреться будет... Дырочка наверняка охренеть какая тугая. Может, даже нетронутая. Представляю, какого труда будет стоять туда член пропихнуть

так, чтобы аккуратно. Я бы уложил ее на живот, заставив в приглашающем жесте развести ягодицы ладошками, сначала медленно макал головку, наблюдая, а потом трахал глубоко и неторопливо, растягивая каждую секунду удовольствия. А потом вытащил и кончал, глядя, как сокращается маленькое тугое колечко. Кажется, у меня встал. Маша, Маша. Знала бы ты насколько глубочайше мне похуй, что там на тебе надето.

– Ну что ты так смотришь? На тебе хотя бы брюки и рубашка, а я... я даже не покрашена. А одежда? Я эту кофту за пятьсот рублей на распродаже купила, а ты хочешь, чтобы я пошла в ней в этот ресторан?

Маша

Как последняя дура согласилась с ним поехать, а ему сложно было выбрать место хоть немного попроще, а не везти меня в таком виде туда, где столики нужно бронировать за месяц. Если он сейчас скажет какую-нибудь банальщину про то, что я и так красивая, я его ударю, честное слово.

Максим тяжело вздыхает и выходит из машины. Силой меня вытаскивать собрался? С него станется... Однако в боковое зеркало вижу, как он обходит машину и идет не к моей двери, а к багажнику. Открывает его, заглядывает внутрь и, стоя рядом, снимает ветровку и начинает расстегивать свою рубашку. Стаскивает с плеч, бросает в багажник, а вместо нее натягивает какой-то свитер.

– Так нормально? – сухо роняет, только после этого от-

крыв дверь с моей стороны.

– Что это? – уточняю растерянно, оглядывая мятую кремово-бежевую ткань с парой темных пятен в области груди.

– Рабочка. Вожу с собой на всякий случай. Если колесо мало ли поменять или еще что.

Мне хочется спросить у него, какого тогда лешего он даже в этом драном свитере выглядит как какой-нибудь греческий бог, но понимаю, что этот вопрос, скорее всего, мне нужно задавать не ему, а самой себе.

– Так мы идем или нет?

Максим

– И что, мы правда пойдем туда в таком виде?

– Маш, тебе не похер? Мы поесть приехали. В другой раз в шелка и меха разоденешься.

– Другого раза не будет, – отрезает мрачно, останавливаясь у двери, которую перед ней открывает услужливый хрен в костюме с бабочкой.

Да как сказать, не будет. После этого ты ж у меня в рот не возьмешь. Я бы нежно. Уложил головку на ее маленький розовый язычок и заставил принять все до последней капли. Да блять...

... надеюсь, дело не дойдет до разговоров, что она до свадьбы ни-ни. А то Богдан, придурок, один раз так чуть не женился. А потом застал Лерку – свою девственницу-невесту – скачущей на члене соседа по лестничной клетке.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – звенит в ответ ему Маша, и губы старика расползаются в искренней улыбке. Не такой, какая обычно приклеена к лицам обслуживающего персонала, а в настоящей. Обычной настоящей улыбке.

За стойкой на входе сегодня Люба. Молодая мамка троих детей. Я ее не трахал, нет. Как-то арендовала зал у нас в клубе для празднования тридцатилетнего юбилея. Случайно столкнулся с ней в кабинете банкетного менеджера, узнал и сделал хорошую скидку. С тех пор в их ресторане мне можно не бронировать столик заранее. Они всегда держат пару-тройку свободных на экстренный случай, просто кого попало за них не пускают.

– Максим Алексеевич, здравствуйте. Решили поужинать?

– Да, Люб. Найдется столик для нас?

Администратор выходит из-за стойки, останавливается перед входом в зал и обводит его задумчивым взглядом.

– Сейчас мы найдем, куда вас усадить.

Пока ждем, стоя чуть в стороне, вдруг чувствую, как мне в руку ложится маленькая горячая ладошка, переплетая свои пальчики с моими. Оборачиваюсь и вижу: Маша стоит, с любопытством оглядываясь вокруг, а на лице выражение какого-то непосредственного, ничем не прикрытого, прямо-таки детского восторга. А за руку меня, видимо, чисто машинально схватила. С непривычки обстановка тут способна поразить воображение, не спорю. Высоченный многоуровневый

потолок, внутренний балкон со столиками на втором этаже, перила которого увиты зеленью, светлый паркет, стекло, хрусталь, живая музыка и основная их фишка – вмонтированные в стены огромные аквариумы с морской водой, в которой плавают рыбы всех цветов радуги. Помимо атмосферы уютной роскоши, у них тут еще кухня отменная, я поэтому ее сюда привез. Сказала же, что голодная.

Когда поднимаемся по широкой лестнице из толстого прозрачного стекла, Маша так и держит меня за руку, с жадным интересом разглядывая и впитывая обстановку. Вопрос своего собственного внешнего вида ее уже явно не беспокоит.

Люба провожает нас до свободного столика на балконе второго этажа, самого крайнего и отгороженного от остальных живыми деревьями (Маша наверняка знает их название – в наличии у нее синдрома отличницы почему-то не сомневаюсь), растущими в напольных горшках рядом с одним из аквариумов, желает приятного вечера и уходит.

Маша все еще крутит головой по сторонам, щупает листья растений и долго наблюдает за здоровенной черепахой, плавающей вдоль стеклянной стенки аквариума. Наконец с легкой улыбкой садится за стол. Ни тебе гордо расправленных плеч и прямой, как палка, спина, ни малейшей попытки сделать равнодушную мину, показательно демонстрирующую, что здесь ей самое место, никакого пафоса или томно опущенных ресниц и неспешного потирания ножки бо-

кала вверх-вниз... – словом, вообще ничего из того, к чему я привык. Она сейчас как ребенок. Бесхитрый и непосредственный в своих эмоциях.

– Максим, а что из этого я могу заказать? – спрашивает после затянувшегося изучения меню.

– Заказывай что хочешь.

Маша окидывает меня каким-то задумчивым оценивающим взглядом и начинает перечислять... Сначала слушаю этот список с недоверием, а после пятого или шестого названия подряд уже готов заржать.

– Маш, а ты не лопнешь? – не выдерживаю после того, как официант, заставив стол тарелками, уходит. Это чудо попросила сразу все ей принести.

– Нет, – отвечает и на секунду не смутившись, – что не съем, то просто попробую. Когда я еще в таком ресторане смогу побывать...

– Тебе тут нравится?

– Здесь просто потрясающе, – отвечает легко и открыто, – я никогда в подобном месте не была.

– Кирилл твой тебя не водил?

Хмурится. Взгляд мгновенно тускнеет.

– Нет, Максим. Не водил. Он несколько недель копил даже на то, чтобы сводить меня в тот ресторан, в котором ты к нам присоединился.

– Сводит еще раз, – пожимаю плечами, – он теперь может себе позволить.

Мне бы, на самом деле, заткнуться и не акцентировать лишний раз внимание на случившемся, мы тут так-то не для этого. Сам не понимаю, чего меня так несет при воспоминании про этого ее Кирилла. Мудак он. Этот ее Кирилл. Я бы на его месте такому, как я, яйца оторвал и в глотку их засунул. И после того, как он те деньги взял, я потом нос ему сломал. Потом накинул еще немного за причиненные неудобства, а потом еще раз хорошенько всёк. Все-таки лучше бы она его насовсем послала. Пусть нормального какого-нибудь найдет.

– Ты действительно думаешь, что после случившегося я продолжу с ним хоть какое-то общение? – Маша какое-то время рассматривает проплывающих мимо оранжево-синих рыб и продолжает, глядя в тарелку и задумчиво возя в ней вилкой, – знаешь, даже хорошо, что все так вышло.

– Что именно?

– То, что все стало понятным до того, как я решила, что он чем-то отличается от остальных, – медленно выговаривает и без перехода как-то грустно добавляет: – Рыба вкусная. Хочешь попробовать?

– Маш, в моей тарелке такая же.

– Да? Правда вкусно? – и поднимает на меня тоскливый взгляд, – Максим. А что мне сделать, чтобы ты от меня отстал?

– А ты как будто не догадываешься.

Маша молчит. Долго смотрит мне в глаза, проходится

взглядом ниже, задерживает его на руке, в которой держу вилку, медленно поднимает обратно, рассматривает губы, опять смотрит в глаза... так же молча опускает голову и цепляет вилкой кусочек в своей тарелке.

В тот момент, когда официант расставляет на столе десерты, Маша сидит, подперев щеку ладошкой, и осоловело смотрит в одну точку перед собой. Вяло ковыряет вилкой в высоком стакане с фруктами и сливками и снова зависает. По-моему, еще немного и она заснет лицом в стол.

– Маш. Поехали домой отведу.

– Максим, а ничего, если я оставшиеся десерты с собой заберу? Они ведь еще целые. Это не очень стыдно?

– Забери.

Чудо в перьях.

– А ты не мог бы попросить, чтобы их переложили? А то мне неловко.

К выходу Маша идет, любовно прижимая к себе коробки и свертки с пирожными и десертами. Я попросил запаковать то, что было на столе, и заказал еще по штуке каждого, какие есть в меню, пока она выходила в «дамскую комнату».

– Максим, – тихо зовет в спину, когда иду к водительскому месту, – а ты не мог бы мне дверь открыть?

Маша стоит у пассажирской двери, обеими руками придерживая коробки. Открыть дверь сама она тупо не сможет.

Я возвращаюсь, открываю ей дверь, кладу коробки на заднее сиденье и в полном раздрае сажусь за руль. И никак не

могу понять, что не так. Вроде бы все так. Но что-то не так. Окончательно мой мозг взрывается, когда Маша, сидя рядом, пока я выворачиваю со стоянки, вдруг протягивает руку и лишенным всякого сексуального подтекста жестом проводит кончиками пальцев по моим волосам, словно выуживая из них соринку, со словами:

– Спасибо за ужин, Максим, – и отворачивается к окну.

Так и сидит, всю дорогу глядя в окно, – я то и дело искоса бросаю на нее взгляд, но лишь подъехав к ее дому и заглушив мотор, понимаю, что Маша уже давным-давно спит. Осторожно трогаю ее за плечо, на что она недовольно им дергает и что-то ворчит. Выхожу из машины, беру с заднего сиденья ее сумочку и нахожу ключи от квартиры. Оглядываю дверь в подъезд, прикидывая, чем бы можно ее подпереть. На скамейке у подъезда сидит какая-то бабка, завернутая в безразмерный пуховик явно с чужого плеча, потому что мужской, и что-то высматривает, поглядывая в сторону выезда со двора.

– Вы двери не подержите?

– Отчего бы не подержать? – отзывается вполне добродушно и без лишних вопросов держит дверь, а я бережно подхватываю спящую Машу на руки. Тяжеленькая. Я еще когда в машину ее усаживал, это почувствовал. Не то чтобы я слабак, просто по виду она весит не больше пачки сигарет. Но нет. Мышцы на руках и спине приятно напрягаются, пока несу ее к двери, и вот тут бабка оживляется, – Машенька! – охает, – случилось что? Плохо стало?

– Нормально с ней все. Уснула просто.

– Ох, беда-беда. Совсем загнала себя девочка. Уж сколько ей говорила, что нельзя так работать, – причитает, поднимаясь вперед меня на второй этаж, и останавливается у матовой темно-серой двери, – давай ключи, я открою, – заходит в квартиру и скидывает широкие резиновые сапоги, – ты поддержи ее пока. Я диван расстелю.

Бабка идет через квадратный коридор в комнату, судя по всему, единственную в квартире, и чем-то там гремит, продолжая причитать, а я аккуратно опускаюсь на банкетку в прихожей, усаживая малютку себе на колени. Это чудо так и спит. Чуть ерзает, удобнее устраивая голову на моем плече, снова ерзает и утыкается носом в шею, делая глубокий шумный вдох. Задерживает дыхание и медленно выдыхает, отчего по коже на шее расползаются мурашки. Придерживаю ее голову ладонью, чтобы сделала так еще, а потом осторожно откидываю назад себе на руку и касаюсь ее губ своими. На ощупь и правда очень мягкие. Еще теплые и нежные. Раздвигаю их кончиком языка, девочка в ответ слегка приоткрывает рот, и я проталкиваю в него свой язык. Ммм... Охуеть какая она сладкая. Как ириска, которые я обожал в детстве. Помню, как любил подолгу держать эти ириски во рту, неторопливо раскатывая на языке их карамельный вкус. Маша такая же вкусная. И такая же гладкая. Горячая. Вяло отвечает на мой поцелуй и при этом продолжает спать. Слабо ворочает своим маленьким язычком, который я медленно

не спеша вылизываю, и тихонечко постанывает.

– Так приятно... – еле слышно шепчет, когда кладу ее голову обратно себе на плечо.

– Ну иди, укладывай ее, – командует бабка, выходя из комнаты, – я диван расстелила, – и ждет в прихожей, пока я несу Машу к разложенному у стены дивану, стаскиваю с нее куртку, ботинки и укрываю одеялом, – ключи я завтра ей передам, – демонстрирует мне связку, когда выхожу обратно и вешаю маленькую черную курточку на крючок.

– Сейчас. Мне там еще принести кое-что нужно.

Я спускаюсь вниз, беру коробки с пирожными и цветы и возвращаюсь обратно. Несу все это в кухню, бросаю цветы на стол и открываю холодильник, чтобы убрать коробки. И этим она собиралась ужинать? Верчу в пальцах упаковку готового обеда из супермаркета и отбрасываю обратно на полку.

– Иди уже. Я цветочки в воду поставлю, потом дверь закрою, – выпроваживает меня бабка, входя в кухню следом.

Думает, если я тут без ее присмотра останусь, пристроюсь рядом со спящей Машей.

Правильно думает.

Глава 5

Максим

– Что-нибудь еще, Максим Алексеевич?

– Пепелку поменяй.

Та, что на столе, уже похожа на ежа. Здесь так-то нельзя курить. Но это мой клуб. Мне можно. Я и за столиком этим всегда сижу, потому что тут вытяжка хорошая. Раньше с Богданом частенько сидели. Теперь один сижу. Богдан изредка приезжает, поковыряется в бумажках у себя в кабинете и сваливает. Он вообще признает только тот бизнес, который можно увидеть и потрогать. Простой, понятный и наглядный. Да что там говорить. Он выручку-то в виде тонны бумажек в сейфе хранит. Но «Пульсом» заниматься и мне нравится. Это альма-матер. Чрево. Обитель. Цветочный, мать его, горшок, в котором выросли и расцвели наши первые деньги. Здесь мы всегда и работали, и отдыхали. Поначалу жили вообще. Девок снимали наперегонки. Даже на бабки иногда забивались. А бывало, и одну на двоих. Теперь у Богдана есть, где выгуливать своего удава на постоянной основе, а я сижу. Тут. За столиком. Мне нужно куда-то хоть немного выпустить пар, поскольку по ощущениям еще немного и меня разорвет. Народу сегодня полный зал, так что проблем с выбором быть не должно.

Вон та вроде ничего. Блондинка у бара. Хотя нет. Волосы явно крашенные и завиваются не сами по себе, а закручены спиральками с помощью какой-нибудь бабской приبلуды. Вон у той натуральные, но жопа как дирижабль и ноги... короткие какие-то. А у той вот длинные. Грудь ничего такая... Рыжая. Фу.

Достаю телефон и открываю страничку Маши в соцсетях. Вот у нее все как надо. Тут она со спины. Стоит на берегу какого-то озера и смотрит на горизонт. Ставим сердечко. Вот тут сидит на здоровенном черном мотоцикле в джинсовой курточке и черных обтягивающих лосинах. Это с кем она, интересно, каталась? Но красивая. Изящный прогиб в пояснице, оттопыренная круглая попка и согнутая в колене стройная спортивная ножка с заметной даже через ткань лосин линией сечения. Ставим сердечко. Тут она стоит в длинном светло-зеленом платье в пол у высокой белой колонны. Тонкая талия, рассыпавшиеся по плечам золотистые волосы, легкая улыбка на пухлых капризных губах. Ставим сердечко. Вот тут она в вязаном свитере под горло и синих джинсах, скрестив ноги, сидит на траве в окружении каких-то детей и...

Телефон из моей руки куда-то исчезает, и только когда поворачиваю голову, замечаю, что рядом со мной, оказывается, сидит Богдан. Держа в руках мой телефон, задумчиво смотрит на экран.

– Красивая, – заключает спустя несколько секунд, возвра-

щая мне телефон, – да только я ее знаю. Она с Мирой вместе в цветочном работает.

Удивил, ага. Я ее, едва только увидел, прямо там, в этом цветочном, чуть не нагнул.

Забираю у него телефон, мажу мимо кармана, поднимаю с пола, плюхаюсь обратно на диван, со второй попытки убираю телефон, достаю обратно, потому что забыл поставить сердечко, снова убираю и беру со столика стакан.

– Я ее поцеловал, – сразу обрисовываю ему масштаб случившегося пиздеца.

Богдан молча усмехается. Понял.

– И как? Понравилось?

– Как будто сдох и в раю побывал.

– А ей?

– А она спала.

– Она спала, пока ты ее целовал?

– Ага. Заебалась потому что. И потому что я заебал, – делаю глоток и с удивлением замечаю, что пытаюсь пить из пустого стакана. Ставлю стакан обратно на стол, беру бутылку, сую горлышком в стакан, но большая часть темно-коричневой жидкости все равно почему-то проливается на стол. Похер, – слушай, Богдан,ними мне какую-нибудь похожую, а? Я не нашел. Тут сегодня ни одной телки нормальной. Одни уродины какие-то... а у меня яйца узлом скрутило... по-моему, даже стоит до сих пор.

Богдан тяжело вздыхает.

– Давай-ка я лучше домой тебя отвезу.

Отбирает у меня стакан, из которого я только что облил рубашку, встает и хватает меня под руку, помогая подняться. И лишь в этот момент я понимаю, что бухой просто в говнище. Это ж сколько я выжрал?

– Бутылку почти высосал.

– Я что, это вслух спросил?

– Иди давай, – беззлобно приказывает Богдан, закидывая мою руку себе на плечо.

– Слушай, Богдан, мне трахнуть кого-нибудь надо. А то не отпускает.

– Теперь и не отпустит, – хмыкает Богдан, сгружая меня на переднее сиденье своей тачки. Хоть убей не помню, как мы до нее дошли. И когда я успел так нажраться?

– Богдан, слушай, это херня какая-то. У меня даже в пятнадцать так не стоял. Я к такому не привык. И что делать теперь, а?

– То же, что в этом случае делают в пятнадцать, – усмехается, выворачивая со стоянки.

– Ты будто не знаешь, что я в таком случае делал, когда мне было пятнадцать. Ты со мной, кстати, делал. Бля, Богдан, я, кажется, сиденье тебе прожег.

– Тебе кто вообще курить тут разрешал?

– Да ладно. Купишь новое. Или машину нормальную купи. Как ты в ней едешь, а? Она же разгоняется как корова беременная...

Богдан тяжело вздыхает. Устал от моего пиздежа. Наверное, мысленно он уже дома, Миру свою трахает. Хороший он мужик. Богдан. Может, и правда этому увальню наконец-то повезло. Я был бы только рад, если это действительно так.

Высокий худой черноволосый подросток поднялся по нескольким выщербленным ступеням и с пару секунд изучал синюю табличку справа от тяжелой серой металлической двери. Принадлежность здания к спортивным учреждениям ничего другого, кроме этой таблички с мелкими белыми буквами, больше не выдавало. Разве что, если обойти двухэтажные каменные стены, на заднем дворе можно было обнаружить стадион с вытоптанными беговыми дорожками и расположенные чуть поодаль турники, брусья и рукоходы, в этот довольно поздний час одиноко чернеющие в вечерних сумерках.

– Куда? – строго одернул седой старик-вахтер, сидящий за облупившимся лакированным столом на входе.

– К Бояринову, – хмуро обронил подросток.

– Обожди, – старик послунывил пальцы, на что черноволосый брезгливо поморщился, и перевернул засаленный лист внутри толстой картонной обложки.

– Четвертый зал. Сейчас налево пойдешь, там в середине коридора увидишь табличка на двери.

Зал для тренировок почти ничем не отличался от тех,

что бывают в общеобразовательных школах, давно не видевших ремонта: выкрашенный коричневой краской деревянный пол, низкие, тоже деревянные, скамейки вдоль одной из стен, наваленные горой в углу маты и шведская стенка. Не хватало только козлов и баскетбольных корзин, зато здесь были четыре огороженных тремя рядами канатов квадрата.

Внутри ближайшего из них перед группой ребят красовался всклокоченный брюнет в белой майке и сине-зеленых широких шортах: судя по тому, как на каждую его реплику компания реагировала громким гоготом, этот тут заводи́ла.

Другая часть ребят стояла обособленной группкой ближе к углу, заваленному матами, тихо переговариваясь, на низкой деревянной скамейке неподалеку от ринга сидел массивного телосложения хмурый русоволосый здоровяк, с ленивым безразличием наблюдавший за выкрутасами брюнета, который обернулся на звук падающего на скамейку рюкзака.

– Ты! – ткнул в черноволосого пальцем и коротко и просто добавил, – ты мне не нравишься.

Черноволосый отпихнул рюкзак, выпрямился и, пристально глядя в глаза брюнету, жестко усмехнулся.

– Педики нынче привередливые стали.

Гул голосов в зале мгновенно стих. Рядом стоящие парни около ринга переглянулись с предвкушением. Те, что стояли в стороне у матов, – с беспокойством. Тушенка на скамейке лениво зевнул. В лицо черноволосому прилетела пара боксерских перчаток.

– Тебе пиздец, глиста.

Черноволоксыый поймал перчатки и задумчиво повертел в руках. Он хорошо ознакомился с правилами: никаких драк вне тренировок – за это исключали. Учитывая, что его еще и не приняли, перспектива дерьмовая.

– Зассал? – подначил всклокоченный, – все равно без парочки переломов домой не вернешься.

Черноволоксыый еще с пару секунд вертел в руках перчатки и решительно перемахнул через канаты.

После первого же удара – упал. Со всех сторон полетели задорный свист и улюлюканье. Вытер уголок губы тыльной стороной предплечья и встал. Несколько ударов – и снова упал на настил. Снова вытер уголок губы тыльной стороной предплечья и снова встал. Кто-то удивленно присвистнул. В третий раз черноволоксыый вставал, покачиваясь и держась рукой за канаты вокруг ринга.

– Это что здесь происходит?! – прогремел грозный голос, и все разом обернулись на рослого мужчину черном спортивном костюме и с висящим на шее свистком, – Прохоров! Тебе предупреждений мало было?

– Да разминаемся просто, Дмитрий Сергеевич, – отозвался всклокоченный, вальяжно привалившись к канатам.

– А новенького в качестве снаряда используете? – тренер перевел взгляд на черноволоксыого, – парень, ты как?

– Нормально, – сухо отрезал подросток, оглядываясь по сторонам и ища взглядом, куда бы сплюнуть скопившуюся

во рту кровь, – разминались просто, – кровь проглотил.

– Фамилия.

– Полянский, – мрачно и как-то почти по-взрослому серьезно ответил черноволосый, утирая рукавом сочащуюся из носа алую струйку.

– Разрешение от родителей принес?

Мальчик, не говоря ни слова, прошел к скамье.

– Подвинься, тушенка, ты на мой рюкзак сел.

Покопался в потрепанном рюкзаке и протянул мужчине аккуратно сложенный вдвое лист бумаги внутри гладкого прозрачного пакетика.

Дмитрий Сергеевич, заслуженный тренер Дома Бокса, какое-то время изучал набранный мелким шрифтом текст с печатью детского дома номер девять «Любовь и вера». Мда. Любовь и вера. А надежды нет...

– Не обижайся, Максим, – хлопнул черноволосого по плечу, – я же не знал. Характер есть, все остальное подтянем, – и почти без перехода гаркнул: – Разминка!

Всю тренировку Дмитрий Сергеевич неотрывно наблюдал, с каким остервенением новенький Максим выкладывается на каждом упражнении. Без какого бы то ни было результата. Лучше всего тому удавался бег. Отжимания – пять раз, подтягивания – два раза. Даже неповоротливый угрюмый кабачок Богдан, начавший в свое время с половины одного раза, мог сделать восемь.

Тренер Максиму понравился. Никакого сочувствия. Ни-

какой жалости. Только «соберись, Полянский» и «ну что это за позорище, у меня дочка восьмилетняя больше может». Для него он такой же, как все. Один из. Да, в драных потертых перчатках, выданных здесь же, в Доме бокса, а не в новеньких, еще блестящих и пахнущих свежей кожей, как продают в спорттоварах на Казарменской, но он тот, от кого требуют наравне со всеми.

По выщербленным ступеням Максим спускался последним, с трудом держась на ногах от усталости.

– Эй, глиста! – раздался окрик, едва он оказался за воротами и свернул за угол в сторону тропинки, где можно было сократить путь до центральной улицы, – говорил же, без парочки переломов домой не вернешься.

Мгновением спустя Максим сложился пополам от прилетевшего под дых удара. Разогнулся в ожидании следующего. Тот почему-то не последовал.

– Ты уверен, Богданчик? – почти ласково пропел всклокоченный, сейчас уже не всклокоченный, поскольку натянул бейсболку задом наперед, и чья рука была зажата в широкой тяжелой ладони стоящего рядом с Максимом здоровяка, придавившего задницей его рюкзак на скамейке в зале.

– Педики нынче еще и соображают плохо, – неожиданно низким голосом пробасил здоровяк, до этого за всю тренировку не проронивший ни слова, и тоже сложился пополам, оттого что всклокоченный, который, вообще говоря, Матвей, свободной рукой засадил ему кулак чуть выше живота.

От последующего ответного удара Матвей осел на землю.

– Хера се, – одобрительно хмыкнул Максим и тут же резко зажмурился, прикрывая нос ладонью: обступившая их полукругом группа поддержки Матвея имела ощутимое численное преимущество.

– Ироды поганые, – прозвучал скрипучий старческий голос вперемешку с визгливым лаем какой-то мелкой собачонки, – опять драку устроили.

– Съебываем, – воспользовавшись заминкой, Максим дернул здоровяка за рукав.

Рванулся в сторону, на бегу оглядываясь назад: у здоровяка явно позднее зажигание.

– Да давай, блять! Валенок!

Парой секунд позже его нагнал тяжелый топот. Свернули в узкий проем между железных гаражей, пробежали вдоль нескольких дверей, опять свернули в узкий проем, левее которого маячил небольшой лаз – парочки реек в заборе не хватало. Очень удобно, когда до «Любви и веры» два километра пешком и не нужно делать дополнительный крюк. Собственно говоря, еще утром эти рейки были на своем положенном месте.

– Живее давай, тушенка, – нетерпеливо прошипел Максим, глядя, как здоровяк еле-еле протискивается между реек.

Минут пятнадцать спустя Максим и Богдан стояли на берегу реки, протекавшей за деревянными домами частного

сектора, тем не менее являвшегося частью города, – дома давно собирались сносить под многоэтажную застройку, но большинство их обитателей были против, коль скоро в качестве компенсации предлагали сущие слезы.

Отдышались, умылись холодной водой и сели на пологий травянистый склон. До противоположной стороны реки цивилизация еще не добралась, эту же сторону от ближайших домов закрывала длинная шеренга стройных берез и тонконогих осин.

– Богдан, – протянул руку русоволосый здоровяк.

– Максим, – пожал в ответ черноволосый, смерив его взглядом. Немного помолчал, мрачно глядя на горизонт, и, не поворачивая головы, добавил, все так же глядя на горизонт, – зря ты за меня впрягся. Со мной водиться считается стремным. Я детдомовский. Отброс. Тебя чморить теперь будут.

– Уже, – усмехнулся Богдан, – я тоже не из элиты.

– Тоже детдомовский?

– Почти. С бабкой-алкашкой живу, – хмуро пояснил Богдан.

Максим еще раз пробежался взглядом по массивной фигуре от выцветшей футболки до протертых на коленях почти до дыр джинсов и расклеившихся кроссовок.

– Нищий?

– Пиздец какой нищий.

– Максим, – снова протянул руку.

– Богдан, – пожал в ответ Богдан.

Глава 6

Маша

– Машенька, ну как ты? – Зоя Степановна топчется в подъезде, протягивая мне ключи от моей квартиры.

– Все в порядке, Зоя Степановна.

– Тебя вчера парень этот чернявый принес. Я уж испугалась, что случилось чего, но он сказал, ты уснула просто.

– Да, Зоя Степановна. Видимо, пока в машине с ним ехали, уснула.

А утром, к своему удивлению, обнаружила себя спящей прямо в одежде на расстеленном диване, на подоконнике в кухне – еще один букет из роз, подаренный вчера Максимом, а в холодильнике коробки с пирожными. Дверь закрывали явно снаружи, потому что изнутри я пользуюсь другим замком, а сами ключи исчезли. А теперь понятно, что Зоя Степановна, надо полагать, взяла ситуацию под свой контроль. Она меня в обиду никогда не даст.

– Нельзя, Машенька, столько работать. Совсем загнала ты себя, – укоризненно и расстроено качает головой, – я, Машенька, пирог испекла. Кусочек вот тебе принесла.

– Спасибо, Зоя Степановна, вы проходите. Вместе чаю попьем. У меня еще пирожных куча целая есть. Сейчас попробовать с вами будем.

На самом деле, мне совсем не хочется принимать от Зои Степановны пироги и запеканки, какие она то и дело приносит с завидным постоянством. Просто потому, что она и так едва сводит концы с концами, в одиночку воспитывая своего внука Славика, который периодически таскает у нее и без того крошечную пенсию и влипает в дурные истории. Но обижать ее мне тоже не хочется, тем более что готовит Зоя Степановна так, что пальчики оближешь. Иногда я помогаю ей, покупая продукты, на что она каждый раз долго причитает, но это капля в море.

– Красивый парень, Маша, статный, – заводит разговор, когда уже сидим за столом, – но ты на это, Машенька, не смотри. Мужик – он не красотой измеряется. И если красиво рассказывать начнет, ты его не слушай. И если некрасиво – тоже не слушай. На поступки, Машенька, смотри.

Я накрываю рукой ее худую морщинистую ладонь и слегка сжимаю.

– Спасибо вам, Зоя Степановна. Я так и сделаю. А у вас как дела? Как Славик?

– Славик три дня уже школу прогуливает, – вздыхает тоскливо, – вчера вот ночевать не пришел. Боюсь, не будет с него, Машенька, проку.

– Да вы не расстраивайтесь раньше времени. Мальчишки все в этом возрасте дурные.

– Они, Машенька, в любом возрасте дурные. Что в шестнадцать, что в шестьдесят.

На этот раз мы обе одновременно вздыхаем, какое-то время молчим, потом Зоя Степановна рассказывает мне рецепт своего пирога. Я слушаю ее с интересом, хотя без всякого толку: повар из меня никудышный. Верх моего кулинарного мастерства – разогреть готовый обед из ближайшего супермаркета. Еще баночку с йогуртом открыть могу.

Проводив Зою Степановну, я успеваю изучить пару вопросов из списка подготовки к зимней сессии, еще сбегать в магазин и закинуть стирку, а после собираюсь и еду на собеседование.

С подработкой я определилась. Самое простое и быстрое для меня – это устроиться официанткой. Опыт у меня есть, к физическим нагрузкам я привычна и знаю, что там можно получать неплохие чаевые. По крайней мере раньше мне всегда оставляли. Так как это будет не основное место работы, мне нужно такое, чтобы в случае чего я могла выйти после смены в магазине, а значит работать это заведение должно долго. Так что я иду, то есть еду, устраиваться в ночной клуб. Называется «Пульс». Они одни из первых откликнулись на мое резюме, отзывы в сети как о работодателе о них в целом хорошие, разве что за редкими замечаниями по типу «нам бы денег побольше, а работы поменьше». Основные моменты мы обговорили с девушкой, представившейся Аллой, по телефону, и она записала меня на личную встречу с менеджером по персоналу.

Несмотря на то что сейчас еще день, машин на стоянке

достаточно много. Найдя свободное место для парковки, иду к зданию, в назначении которого не ошибешься даже без подсказки навигатора из-за огромной ярко-голубой неоновой вывески. Клуб занимает отдельное здание в целых три этажа и со стороны выглядит весьма презентабельно. Ребята в форме охранников на входе внушительной комплекции, с виду грозные, но приветливые. Улыбаются.

– Подскажите, пожалуйста, я по поводу трудоустройства.

– Кастинг на третьем этаже, – доброжелательно поясняет мужчина в черной футболке с бейджиком «Алексей».

– Кастинг?! – не могу скрыть изумления.

У них тут на должность официантки кастинг проводят?!

– Ты ведь танцовщицей устраиваться пришла? – считывает мое смятение.

– Неет. Официанткой. Мне собеседование на три часа назначили.

– Аааа. Это тоже на третий этаж, только к Нелли Абрамовне. В конце коридора, там табличка на двери, увидишь, – и галантно придерживает передо мной дверь.

– Спасибо.

Кажется, мне тут уже нравится.

Максим

Голова тяжеленная, как переспелый арбуз, и трещит так, что вот-вот лопнет. Собравшись с силами, делаю рывок, отрывая ее от подушки, и дотягиваюсь-таки до разрывающего

децибелами мозг и тишину спальни телефона. Кому там не спится в такую срань? А не. Два часа дня уже.

– Максим, сегодня просмотр. Ты помнишь? – без предисловий врывается прямо в голову резкий и холодный голос Даши, причиняя почти физическую боль, – мы уже начали. Ты собирался сам отсмотреть хотя бы тех, кого я выберу. Если не приедешь, я буду вынуждена просить у тебя прибавку, потому что это слишком большая ответственность и в мои обязанности не входит, чтобы...

– Я приеду, – перебиваю, не дослушав, – позавтракаю только.

Даша долгое время молчит, очевидно, борясь с неукротимым желанием сказать какую-нибудь колкость, но в итоге только хмыкает и сдавленно роняет в трубку:

– Хорошо, Максим.

Обожравшись обезболом и приведя себя в относительно сносное состояние, прыгаю в тачку и еду в клуб. Все места ближе ко входу уже заняты: видимо, те, кто приехал сегодня на кастинг, заняли. На моем месте у самого крыльца стоит машина, на которой я приехал вчера, поэтому паркуюсь как простой смертный на общей парковке, выхожу из машины и только тут замечаю, что через узкий проезд прямо напротив моей стоит маленькая красная машинка. И кажется, я знаю, кому она принадлежит. Не понял...

Маша

Внизу тут огромный зал с танцполом, установкой диджея, столиками, диванами и барными стойками. Обстановка отчего-то кажется мне знакомой. Странно. Конечно, я не раз бывала в подобных местах, а все клубы похожи друг на друга, но этот выделяется на фоне других, хотя ходила я в хорошие и дорогие. Сразу бросается в глаза и качественный ремонт, и продуманный интерьер, и отсутствие малейшего намека на протертый текстиль или облупившиеся поверхности. Здесь чисто, красиво и стильно. Может, все-таки в покоем была? Вроде как этот «Пульс» часть одной большой сети. Наверное, зря я не потрудилась изучить о нем подробности. Ладно, успею еще. Главное, чтобы приняли. Тут явно ко всему подходят основательно.

Из общего зала на первом этаже выходит широкий коридор, в котором несколько дверей ведут в туалетные комнаты, одной из которых я не упускаю возможности воспользоваться. После по лестнице поднимаюсь на второй этаж, где много частных кабинок, часть из которых за закрытыми дверями, а часть расположена на внутреннем балконе. Дальше поднимаюсь на третий и, пользуясь подсказкой охранника, направляюсь в конец коридора. Сверяюсь с табличкой на двери и бросаю взгляд на часы – до моего собеседования еще двадцать минут, поскольку я не люблю опаздывать и пришла заранее.

Томясь ожиданием, курсирую по коридору, рассматривая обстановку. Параллельно со мной по коридору курсирует

еще один из охранников, который то и дело бросает на меня задумчивый взгляд. За одним из поворотов коридора звучит громкая музыка. Помня про то, что здесь проходит какой-то кастинг, притормаживаю, прислушиваясь. В конечном итоге любопытство берет верх и я заглядываю в просторное помещение, используемое, очевидно, для проведения массовых мероприятий.

Первое, что бросается в глаза, – потрясающий по красоте наливной потолок, похожий на искрящиеся алмазные россыпи. Скорее всего, в него встроена какая-нибудь подсветка и в темноте он смотрится ошеломительно. Сейчас в помещении горит верхний свет. Тут и там стоят группы людей, о чем-то тихо переговариваясь. В основном девушки, хотя есть и мужчины. Некоторые стоят отдельно. Кто-то поправляет макияж или прическу, кто-то щелкает в телефоне, кто-то просто болтает. Но взгляды большинства прикованы к низкому круглому подиуму у дальней напротив входа стены. Он такой же искрящийся по торцевому краю, как и потолок, гладкий и серебристый сверху, а в центре него установлен пилон. Оу.

Почти прямо напротив подиума на небольшом удалении стоит девушка в обтягивающей черной юбке до колен и таком же черном пиджаке поверх классической белой блузки. Среди всех присутствующих она привлекает внимание не только строгой офисной одеждой, но и огненно-рыжим цветом собранных в высокий пучок волос. Даша?!

– Даша!

– Маашкааа, – тянет радостно, – привееет.

Мы крепко обнимаемся, Даша отстраняет меня за плечи и, словно передумав, снова порывисто обнимает.

– Я так по тебе соскучилась! По всем вам!

– Так чего не приходишь?

– Так вот. Видишь. Работа, – кивает головой в сторону подиума, где какая-то девушка в крошечных зеленых трусиках и коротком черном топике делает первые движения под зазвучавшую музыку.

Я помню, что как-то, когда мы после очередной тренировки пошли пропустить по стаканчику капучино, Даша рассказывала, что устроилась в очень хорошее место помощницей директора по организации развлекательных программ, и с тех пор стала появляться на занятиях все реже и реже, пока совсем не пропала.

– А ты устраиваться пришла?

– Да. У вас здесь вакансия официантки открыта. Вот резюме принесла, жду собеседования, а тут ты.

– Понятно... – тянет слегка разочарованно, – а я-то уж обрадовалась.

– Ну Даш, – примирительно толкаю ее бедром.

– Да знаю, знаю, – так же примирительно толкает в ответ.

Мы переглядываемся, немного глупо хихикаем, потом я рассказываю Даше, что мне нужна небольшая подработка, она рассказывает про то, что работа здесь ей очень нравится, хоть и отнимает много времени и работать приходится в

основном в вечернее время.

– Сегодняшний отбор, правда, это полный треш. Два часа уже тут торчу, а толку ноль. Ни одной мало-мальски пригодной кандидатки. Точнее, парочка была, которые хоть что-то умеют, но сомневаюсь, что директор их одобрит. Еще ведь внешность важна.

Я с пару секунд задумчиво смотрю в сторону девушки у пилона, которая делает короткий мах ногой, затянутой в высокий лакированный сапожок с острым длинным каблуком.

– И много нужно человек?

– В идеале человек пять хотя бы. У нас текучка тут большая.

– Условия плохие?

– Условия хорошие. Две девочки по состоянию здоровья продолжать не могут. Беременные они, – поясняет, поймав мой взгляд, – еще три замуж выходят. Они вообще с завидной регулярностью это делают. Находят или мужа, или обеспеченного любовника и потом танцуют исключительно у них в спальне. Потом подругам своим советуют. Так что приходят даже те, кто последний раз танцевал на утреннике в детском саду танец снежинки. Боже мой... – устало вздыхает, бросая взгляд в сторону подиума, где та же девушка теперь неуклюже сползает попой по пилону, – ты это видела? Как панда на бамбуке. Я такими темпами до второго пришествия танцовщиц не наберу.

– Ну так покажи им, как надо, раз они не до конца пони-

мают, что от них требуется.

– Скажешь тоже. Я тут руководитель как будто бы. Должна быть стервой и сукой, а не показывать, как правильно надо задом крутить. Блять, – почти стонет, снова бросая взгляд в сторону пилона, – меня уволят ко всем чертям. А у меня ипотека вообще-то, – и вдруг переводит взгляд на меня и смотрит так, словно только что словила инсайт, – Маша! Иди переодевайся.

– Даш, ты же знаешь, что мне несложно, но я тогда на собеседование опоздаю. Может, на обратном пути?

– Маш, я этого дольше не вынесу. Давай так. Пока ты переодеваешься, я сама сбегая до Нельки и отнесу ей твоё резюме. Хотя на самом деле ты зря его взяла, там в системе всё есть, если раньше отправляла. Но суть не в этом. Я замолвлю ей за тебя словечко. Она в принципе хорошая тетка, а по рекомендации возьмет не глядя. Считай, место уже твоё. В обмен ты задаешь этим курицам планку, которую я от них жду, точнее, просто танцуешь так, как ты любишь, я им говорю, что это примерно то, что нужно, а потом ты идешь к Нельке выслушивать ее нудные наставления про то, что слева кухня, справа – туалет. А у меня, надеюсь, отсеется хотя бы часть этих доморощенных стриптизерш.

– Ладно, – протягиваю ей своё резюме, – спасибо.

– Тебе спасибо, – смеется Даша, – на самом деле Нелька тебя так и так возьмет, а я внаглую использую в своих целях, – смеясь, притягивает к себе и обнимает, – так я по тебе

соскучилась. Ну иди давай. Вон там ширма. Костюмы чистые все, бери любой. Использованный потом в корзину брось.

– Я в своем белье станцую, – отмахиваюсь, направляясь в сторону перегородки у стены, за которой девушки переодеваются, прежде чем выйти на подиум.

– Как хочешь.

Белье на мне вполне подходящее. Сегодня я надела удобное и практичное: укороченные спортивные трусики-шортики и такой же бюстгальтер из плотной обтягивающей ткани. Я и на занятиях в таких часто танцую.

За ширмой какая-то девушка с коротко стриженными каштановыми волосами сидит на стуле, стаскивая с длинных загорелых ног голубые джинсы.

– Привет, – я останавливаюсь чуть поодаль, нахожу глазами свободные плечики на высоком стальном вешало, чтобы оставить одежду, и расстегиваю пуговицы на блузке.

– Сейчас моя очередь, – зло бросает красотка, стягивая штанину и проигнорировав приветствие, – выйди вон отсюда, я имею право переодеться без ненужной компании.

– Не злись, пожалуйста, меня руководитель попросила сейчас выйти. А сразу после меня ты пойдешь.

– Ладно, – буркает ворчливо, продолжая раздеваться, и я замечаю, насколько при этом неловко она справляется с пуговицами на обтягивающей грудь серой шелковой блузке. Волнуется, похоже, вот и огрызается.

Раздевшись и разместив на плечиках свои юбку, блузку

и колготки, я выхожу из-за ширмы и выбираю подходящую музыку, щелкая мышкой по экрану установленного на стоящем здесь же столе ноутбука, подключенного к музыкальному оборудованию.

«Crawl on me

Sink into me

Die for me

*The living dead girl».*¹

Когда речь идет о танце на пилоне, в головах людей в первую очередь рождаются такие ассоциации, как «шест» и «стриптиз». Да. Pole dance – это действительно про эротику. Но не только. Танец на пилоне может и должен быть красивым и эстетичным, а для меня это прежде всего еще и прекрасная физическая нагрузка, потому что во время танца нужно выполнять сотни движений, которые требуют выносливости, гибкости и силы. Не спрашивайте, почему из всех видов спорта я решила остановиться именно на этом. Я не стану оправдываться.

Больше всего мне нравятся различные акробатические элементы, сложные трюки и шпагаты. Мосты с переходом, перевороты, развороты... я могу и райскую птицу, и китайского феникса, и фонжи. Люблю динамику и это ощущение свободы и полета. Правда, сейчас основной акцент все же стоит сделать на пластичные движения и сексуальную энергетику. Эротика, как-никак, а не спортивная гимнастика. Да

¹ «Living Dead Girl», Rob Zombie.

и в целом, если танец лишен пластики бедер, выглядеть он будет плохо. Поэтому время от времени я спускаюсь на пол и двигаюсь плавно и провокационно. Прогибаюсь в пояснице, оттопыриваю попу – все в лучших традициях жанра. Связки между элементами тоже несут в себе заряд эротической энергии. И в таком виде танца я тоже не вижу ничего предосудительного. Секс и свободное самовыражение – это норма. Фрейд вообще считал, что либидо – это основа любой творческой деятельности. Это называется сублимация – перевод этого самого либидо в социально приемлемое русло. Разве что в танце на пилоне она куда более легко считывается. Никто ведь не станет спорить, что пилон – это классический символ фаллоса. Во многом поэтому в головах представителей сильной половины человечества сидит стойкое убеждение о легкомысленности и доступности девушек, исполняющих подобный танец. Раздвинутые ноги и расслабленная поясница – это послы, который улавливается на бессознательном уровне.

А вот заканчивать танец я люблю эффектно. Я уже хорошо разогрелась и в своих силах уверена. Итак. Вис. Зацеп. Вис. Зацеп. Опять вис и... из-за скорости, с которой выполняются элементы, в глазах наблюдателей создается иллюзия стремительного падения, а я останавливаюсь головой вниз в паре десятков сантиметров от пола одновременно с тем, как стихает музыка. На несколько секунд в помещении воцаряется гробовая тишина, а потом одномоментно со всех сто-

рон слышатся громкие хлопки, крики и свист. Громче всех неистовствуют стоящие отдельной группкой мужчины в костюмах пожарных и полицейских. Один вообще нарядился зайчиком. Явно пришли устраиваться в качестве танцоров и ждут своей очереди.

– Повтори на бис, куколка!

– Детка, ты огонь!

– Еще давай!

Вроде бы в их выкриках нет ничего такого, что могло бы меня смутить, как и в самой ситуации в целом, но отчего-то становится не по себе. Наверное, примерно такое же чувство бывает, когда идешь в одиночестве по темной пустынной тропинке и внезапно слышишь за спиной тихие шаги, чувствуя, как затылок прожигает чужой тяжелый взгляд. Обвожу глазами зал, пытаюсь понять, что не так и откуда это странное ощущение, и нахожу глазами Дашу, которая показывает мне большой палец вверх. Силясь стряхнуть с себя странное наваждение, улыбаюсь, делая заведомо неуклюжий книксен на краю подиума, и иду обратно за ширму одеваться, пока она громко вещает:

– Прошу минуточку внимания! Только что вы могли наблюдать, чего именно...

За ширмой та злючка, которая должна была выйти после меня, сидит на стуле, плачет и натягивает обратно свои джинсы.

– Ты чего плачешь? Случилось что-то?

– Ничего, – отвечает грустно и уже без злости и отводит глаза, – я ухожу. У меня не получится так же, как у тебя. Я танцую ужасно.

– Что, настолько ужасно?

– Ну, не совсем ужасно, конечно, но сюда попасть мне без шансов, – и вдруг начинает в голос рыдать, размазывая ладошкой слезы по лицу, – я так надеялась на эту работу. Теперь я точно на улице останусь. Где я еще за такую зарплату устроюсь? Я ничего не умею...

– Эй! Ну-ка перестань! – встряхиваю за плечи этот эмоциональный сгусток, – попробуй хотя бы, если для тебя это настолько важно. Потом ведь жалеть будешь, что ушла. Лучше жалеть о том, что сделала, чем о том, чего не сделала.

– Я опозорюсь, – горько всхлипывает.

– Подумаешь, – демонстративно фыркаю, – опозорится она. Знаешь, я однажды пукнула в лифте, а этажом ниже в него вошел такой красавчик, что закачаешься. Вот это был позор. А ты всего лишь сделаешь то, что планировала. И я ни за что не поверю, что ты к этому не готовилась.

– Я Карина, – говорит тихо, утирая слезы.

– А я Маша.

– А тот красавчик? – вдруг спрашивает с любопытством, – как он отреагировал?

– Ну... все то время, пока мы спускались, я ковырялась в своем телефоне и то и дело демонстративно бросала на него укоризненный взгляд. Он стоял красный как рак, а ко-

гда лифт остановился, то рванул к выходу со скоростью бешеного поросенка. Мне кажется, к этому моменту он и сам поверил, что это сделал он, а не я. В общем, в любой непонятной ситуации делай ее еще более непонятной.

Пока я это рассказываю, Карина заметно расслабляется, стаскивает обратно свои джинсы и звонко хохочет вместе со мной.

Музыку она выбирает неторопливую и тягучую и, пока я иду обратно по направлению к Даше, начинает плавно двигаться.

– Молодец, Маш. Просто супер, – говорит Даша, время от времени бросая в сторону танцующей Карины задумчивый взгляд, и я ловлю в нем искорку заинтересованности.

– Мне кажется, ты должна ее взять, – спешу развеять ее сомнения.

– Думаешь?

– Двигается неплохо, основные элементы у нее хорошо получаются. Скорости только не хватает. Запиши ее к Карнай, она подтянет ей уровень.

– А знаешь, ты права. Потенциал у нее есть. Побудет первое время на разогреве, а потом...

Даша все еще говорит, в то время как я медленно обвожу глазами большое помещение, все стараясь понять, почему мне до сих пор так не по себе, пока наконец не понимаю. Глядя в сторону выхода, вздрагиваю, словно меня ошпарило кипятком, и под звон в ушах на мгновение выпадаю из ре-

альности, а в голове складывается четкая и яркая картинка. В проходе, привалившись плечом к косяку и небрежно сунув руки в карманы брюк, стоит Максим и пытается проделать во мне дыру взглядом. Усмехается, поймав мой ответный взгляд, и, будто только этого и ждал, разворачивается и уходит.

– Даш, слушай, а кто владелец этого клуба?

– А? – растерянно отзывается Даша, которая все еще рассуждает о построении программы и о том, что девушка на сцене очень даже неплоха, – Полянский. Максим. И Богдан Медведев. У них сетка по городу, но этот считается основным. Ну как, основным. Можно сказать, у них тут головной офис, потому что все дела они отсюда ведут. В свое время «Пульс» они самым первым открыли, и... – поясняет Даша и осекается, глядя на мое лицо, – Маш, все нормально?

– Честно говоря, оказывается, что не очень, Даш. Дело в том, что мы знакомы с Максимом и у нас, так скажем, не самые дружеские отношения. А я даже не удосужилась проверить, чей это клуб, прежде чем сюда идти. Разослала кучу резюме, выбрала лучшее, по отзывам, место из тех, куда пригласили на собеседование, и вот... блин...

Какая же я идиотка! Мира ведь не раз мне рассказывала, что ее Богдан, помимо всего прочего, совместно с другом владеет сетью клубов. Ну что мне стоило нормально все проверить, прежде чем сюда идти?! Я же про это даже не вспомнила! Теперь я понимаю, почему обстановка в клубе показана-

лась мне знакомой. Это здесь были сделаны все те фотографии, которые выложены на страничке Максима в соцсети.

Попросив Дашу извиниться за меня перед неведомой Нелли Абрамовной, я торопливо иду по коридору с одной-единственной целью – смыться отсюда как можно скорее. И не замечаю, что одна из дверей, мимо которой я прохожу, открыта. И глазом моргнуть не успеваю, как чья-то сильная рука хватает меня за руку чуть выше локтя и втаскивает внутрь. Дверь за моей спиной захлопывается, и Максим с силой толкает меня в сторону коричневого кожаного дивана у стены так, что я проезжаю задом по его гладкой поверхности и впечатываюсь в спинку.

Судя по всему, у него здесь кабинет. Помимо дивана, тут несколько шкафов из темного дерева, заставленных кучей папок, рядом с диваном большой, из такого же дерева, что и шкафы, рабочий стол, на котором лежат какие-то документы, стоят: ноутбук, пепельница и полупустая бутылка коньяка. Парочка кресел, коричневых и кожаных, как и диван, с противоположной стороны. Почти черные шторы в тонкую темно-серую полоску, а пол и потолок, наоборот, светлые, кремового оттенка. На потолке очень необычная люстра, выглядящая как подвешенные в воздухе лоскутки ткани, и такие же светильники на стенах. Сам Максим стоит посреди кабинета и мрачно смотрит на меня исподлобья. Поза обманчиво расслабленная и ленивая, но от него за версту несет с трудом сдерживаемым бешеным напором ярости

и какой-то дикой, животной энергетике. Зверь, приготовившийся к прыжку.

– Молодец, Маш, – сухо замечает, – кастинг прошла.

– Максим, ты совсем с катушек слетел?

Я встаю с дивана и пытаюсь пройти мимо него к двери – он хватается меня за плечи и швыряет обратно на диван. Я снова влетаю в его спинку с такой силой, что на пару секунд перехватывает дыхание.

– Нужно еще пройти небольшое собеседование, Маш.

– Максим. Никакое собеседование я проходить не стану, потому что работать тут не буду. Я не знала, что это твой клуб, когда сюда шла. Выпусти меня.

Я снова встаю и снова лечу спиной обратно на диван.

– Ты как, наверняка ведь будешь еще дополнительные услуги в частных випках потом оказывать? – продолжает, словно не слыша моих слов.

– Максим, послушай. Не знаю, о чем ты там подумал, но о чем бы ты ни подумал, это не дает тебе право так себя вести.

Я снова встаю и снова пытаюсь дойти до выхода. На этот раз у меня почти получается пройти мимо него, но Максим дает мне это сделать целенаправленно. Едва я поворачиваюсь к нему спиной, как стальным обручем обхватывает руками сзади и, не отпуская, разворачивает лицом к дивану.

– Очень убедительно, Маш. Я почти поверил, – обманчиво мягко шепчет на ухо, подталкивая к дивану.

Толкает в спину, и я приземляюсь на диван на локти и

колени. Пытаюсь подняться – он давит мне ладонью между лопаток, прижимая грудью к коричневой кожаной поверхности.

– Максим, отпусти меня, ну что ты делаешь... – мои аргументы закончились и звучит, откровенно говоря, жалко.

Максим давит мне на спину одной рукой, а второй медленно поглаживает по задней поверхности бедра, слегка сжимая. Потом так же медленно задирает мою юбку. Раздается тихий треск, с которым он рвет капрон колготок, отчего между ног образовывается большая дыра. Я время от времени толкаюсь руками, пытаюсь подняться, но по ощущениям меня словно бетонной плитой придавило. Максим не обращает на мои ерзанья никакого внимания. Сдвигает в сторону трусики, сначала приглаживает складки костяшками пальцев, после осторожно раздвигает подушечками.

– Что я делаю, Маш? Проведу небольшую оценку профессиональных навыков. Сначала трахну твою узкую скользкую щелку, а потом буду трахать в задницу.

– Максим, отпусти меня!

Я делаю резкий рывок и мне даже удается на несколько сантиметров приподняться над диваном, но Максим тут же прижимает меня обратно.

– Не дергайся! – рявкает в голос так, что я вздрагиваю, а следом уже успокаивающе мягко добавляет, – тише, тише. Расслабься, – его пальцы в этот момент совершают плавные поглаживающие движения в самой чувствительной точ-

ке, а спустя несколько секунд я чувствую, как, не прекращая эти поглаживания, он касается подушечкой большого пальца плотного колечка в моей попе и поглаживает теперь еще и там, – я дам тебе кончить, не волнуйся. И в попку буду трахать тебя нежно. Тебе понравится. Или ты пожестче любишь, а, Маш?

Резко убирает руку от промежности, хватая за волосы и дергает вверх, впечатывая спиной в свою тяжело вздымающуюся грудь, в которой в бешеном ритме колотится сердце.

– Или может, в рот сначала хочешь?

Крепко держа за волосы, подносит к моим губам указательный и средний палец и проталкивает их в рот.

– Соси, – жестко приказывает.

Я мычу, пишу и кусаю его за палец.

– Сука, – шипит Максим, отдергивая пальцы, больно встряхивает меня за волосы как нашкодившего котенка и снова подносит пальцы к губам, – соси, сказал.

Я обхватываю его пальцы губами и осторожно посасываю.

– Умничка, – исступленно шепчет на ухо, – соси, малышка, – невесомо касается губами шеи и снова прижимается к уху, – ротик рабочий у тебя, а, Маш? Часто тебя в горло долбят всякие пузатые папики?

Придурок...

– Ну так что? Выебать тебя в рот? – вкрадчиво уточняет, убрав пальцы и мягко оглаживая влажными от моей слюны подушечками горло.

– Нет, – выдавливаю тихо.

– Ладно. Это мы напоследок оставим, – и с силой толкает меня вперед, снова ставя перед собой на четвереньки.

Я вновь резко дергаюсь, пытаюсь вырваться, и пинаю его пяткой, которая по ощущениям попадает куда-то ему в бедро. В ответ мне прилетает болезненный шлепок по ягоднице такой силы, что кожа начинает буквально гореть огнем, словно ее в этом месте содрали заживо. Максим обхватывает мою голову ладонью, прижимая щекой к дивану.

– Не дергайся, сказал! – рявкает в голос.

– Больно... – говорю ему еле слышно, потому что и правда больно и обидно.

Затихаю, и он, продолжая держать, с легким нажимом поглаживает меня широкой горячей ладонью по задней поверхности бедра и выше, там, где только что ударил.

– Не дергайся, Маш, – повторяет еще раз уже почти спокойно, – я ведь пытаюсь быть с тобой нежным. Я все равно тебя выебу.

– Максим, – зову его жалобно и озвучиваю свою последнюю надежду, – можно я лягу на спину?

– Нет.

– Пожалуйста.

– Нет. Я буду трахать тебя сзади, Маша. Всех шлюх я трахаю сзади.

– Сделай для меня исключение. Пожалуйста, Максим. Я хочу к тебе лицом. Хочу смотреть на тебя, когда ты будешь

это делать.

Его ладонь за это время уже вновь нырнула в разорванную на колготках дыру, а пальцы вновь цепляют сползшую обратно ластовицу трусиков, сдвигая ее в сторону. Кончиками он осторожно раздвигает складки, безошибочно находя то место, где именно нужно трогать. Подушечкой среднего пальца круговыми движениями поглаживает чувствительную точку, и я делаю легкое движение тазом, сильнее насаживаясь на его ладонь, чтобы наверняка: похоже, что сопротивление его не заводит, только очень злит.

Максим медленно приподнимается, убирает руку, которой вдавливал меня щекой в кожаную обивку дивана, кладет ее мне на ягодицу, сжимая и тиская, и при этом продолжает неторопливо ласкать клитор второй рукой.

– Пожалуйста, Максим.

– Перевернись, – говорит тихо спустя несколько секунд молчания, словно принял важное для него решение. Убирает руки и звенит пряжкой ремня.

Максим стоит, упираясь в диван коленями, и, наклонив голову, расстегивает ремень, поэтому не замечает, как ему в голову прилетает полупустая бутылка коньяка, которую я первым делом хватаю со стоящего рядом стола, когда переворачиваюсь.

Удар приходится куда-то в висок, Максим отшатывается и хватается за голову руками, а я в этот момент резко подрываюсь с дивана и бросаюсь к двери, на ходу одергивая юбку.

У самой двери оборачиваюсь и вижу: Максим сидит на диване, по его виску стекает тонкая красная струйка, а он задумчиво растирает алую жидкость между подушечек пальцев. Поднимает на меня взгляд. Я боялась приложить слишком много усилий и прибить его этой бутылкой, но приложила, кажется, наоборот, недостаточно. Потому что Максим вытирает пальцы о рубашку и поднимется с дивана. Видимо, этот мужчина привык получать не только по лицу, но и по голове.

Дергаю на себя дверь, которую он из-за своего невменяемого состояния не закрыл, выскакиваю в коридор и несусь прочь. Но недолго. Метров пять. А потом со всего размаха влетаю в крепкую, затянутую во все черное фигуру охранника.

– Эй, а ты куда так мчишься? – мужчина удерживает меня обеими руками, обхватив за плечи, – натворила что-то?

Всё. А ведь у меня почти получилось. Хотя бы до первого этажа добежать – там всюду люди. Или вон из-за угла до сих пор слышны музыка и крики. Кастинг как шел, так и идет. Сейчас этот амбал вернет меня Максиму, который скажет, что разберется со мной сам, и... и всё...

– Убери от нее руки! – рявкает знакомый голос, и охранник разве что не вытягивается по стойке смирно.

Максим стоит в паре шагов от нас, сунув руки в карманы брюк, и молча меня рассматривает. Алая струйка так и стекает по его виску. Я делаю маленький шагок назад, потом еще один и еще. Порывисто разворачиваюсь и срываюсь с

места.

Выбежав на парковку, немного замедляюсь, убедившись, что меня никто не преследует, и быстрым шагом дохожу до своей машины. Плюхаюсь на сиденье и щелкаю кнопкой блокировки замков. Руки ходят ходуном и отвернуть крышку на бутылке воды получается с большим трудом. Сделать глоток, не расплескав жидкость, – еще труднее. И только сейчас, немного отдышавшись и придя в себя, по липкому мокрому ознобу между ног из-за холодающей сквозь ткань юбки и трусиков обивки сиденья, я понимаю, что там я вся влажная. А когда и как это могло произойти – не понимаю. Еще как-то можно понять, когда это произошло, допустим, около ателье Аллы, где мы стояли в день знакомства. Тогда от его неторопливых и нежных прикосновений к моему лицу, пусть и на контрасте с наглым и бесцеремонным поведением, я действительно возбуждалась. Или вот вчера, когда мы сидели в машине у ресторана, в который он меня привез, и я высказывала ему по поводу своей неподходящей одежды. В тот момент он смотрел на меня таким взглядом, что внизу живота невольно сладко кольнуло. Но сейчас... он же меня чуть не изнасиловал... и... блин... да я же даже кричать не пыталась... не звала на помощь, не верещала в голос... там же охранник прямо под дверью прогуливался...

В полнейшем раздрае я поворачиваю ключ в замке зажигания и трогаюсь с места. Руки до сих пор трясутся, да и всю меня колотит как в лихорадке. Прежде чем я понимаю,

что забыла снять ручной тормоз, машина уже какое-то время скребет шинами по асфальту, тяжело и натужно продвигаясь вперед.

– Черт! – ругаюсь, дергая ручник.

Нога слетает со сцепления, машину резко бросает вперед, следом раздаётся скрежет и громкий стук. У стоящей напротив через узкий проезд крутой спортивной машины, углом капота в которую я влетела, разбита фара. И самое ужасное, что я знаю, кому эта машина принадлежит...

Да вашу ж мать!!!

Максим

Слабовато она меня приложила. С ее физической формой могла двинуть куда сильнее. Прижимаю к ссадине на лбу полотенце, смоченное холодной водой, потом откидываю в сторону и сую голову под кран, чтобы хоть немного остыть. Охуеть как меня вскипятило. Сначала хотел убить, потом выебать и убить, потом выебать и... и снова выебать. До сих пор не отпускает. Откуда нашел в себе силы тормознуться после того, как она меня бутылкой шарахнула, сам не знаю. Где-то все-таки фонила мысль, что делаю непоправимое. Ахре-нет. Я только что чуть не опустил до того, чтобы взять девчонку силой.

Приведя себя в порядок, возвращаюсь в кабинет и плюхаюсь в кресло за столом. В мозгах все еще троит. Какого дьявола она сюда приперлась?!

На самом деле, про «дополнительные услуги» в частных комнатах я ей соврал. Проституцией мы не занимаемся. Во всех всего лишь пяти приспособленных для приват-танцев випках установлены камеры, а сексуальный контакт с клиентом влечет за собой увольнение. Клиенту – пожизненный черный билет. На этаже, как и во всем клубе, дежурит охрана, а домой девочки уезжают на такси. Вне рабочего времени они вольны делать что хотят, но, если клиент проявляет излишнюю и пугающую их настойчивость, сразу сообщают охране. Но таких клиентов очень мало. В основном это солидные дядьки, которые пришли отдохнуть от наскучившей и однообразной семейной жизни. Мы вообще долго думали с Богданом, стоит ли организовывать даже нечто подобное, и пришли к выводу, что, как ни крути, а для привлечения категории, так сказать, вип-клиентов без подобных услуг никуда. Но это ничего больше, чем всего-навсего танец под пристальным наблюдением охраны, которая следит за происходящим через монитор, куда в режиме онлайн поступает картинка с видеокamеры. Только подобная нашей практика – это исключение из правил, а не правило. Я прекрасно знаю, что представляют из себя с виду аналогичные услуги в других клубах. Скажем, у того же самого Левушки Касимова, поговаривают, можно хоть групповуху заказать и любую девочку толпой пустить по кругу. Мне вот интересно, Маша знала об особенностях нашей системы, если, с ее слов, она даже не знала, чей это клуб? А про то, чей это клуб, думаю, она

действительно не знала. Она бы не пришла, если бы понимала, кого может тут встретить. Получается, ей такая работенка привычна, так что неважно, где ей заниматься, только возьмите? Как-то это все не клеится с ее поведением. Или настолько умелая актрисулька? Умелая и тупая. Думала, не узнаю, чем она занимается? Бред полный... бля... да у меня сейчас мозг взорвется! Но факт налицо. Непрístupная, гордая и дерзкая, чистая и светлая девочка Маша, которая еще вчера нежно постанывала мне в рот во время поцелуя, вытворяла на шесте такое, что мне хотелось лично выколоть глаза каждому и даже каждой, кто на нее смотрел. А по башке она мне двинула со всей возможной искренностью. Такое не сыграешь. Так какого дьявола она сюда приперлась?! И где она так крутить жопой научилась?!

Открываю папку «Танцовщицы» на ноуте и просматриваю список файлов. Ничего. Беру телефон и набираю номер Даши, ответственной за организацию развлекательных программ и отбор девочек, с которой Маша о чем-то весело щебетала после танца.

- Скинь мне ее резюме, – приказываю без предисловий.
- Чье, Максим? – вздыхает.
- Ты прекрасно поняла чье.

На несколько секунд в трубке воцаряется молчание. Потом где-то на заднем фоне раздаются вялые хлопки: кастинг все еще проводит.

- Максим, ее резюме должно быть в системе. Посмотри,

пожалуйста, сам.

Заново щелкаю папку «Танцовщицы» и заново просматриваю список файлов.

– Нет его тут.

– Боже... – опять устало вздыхает, – сейчас.

Через пару минут, в течение которых я нетерпеливо тарабаню пальцами по столу, Даша заходит в кабинет и бросает на стол лист с набранным на нем текстом. Хватаю лист и пробегаюсь глазами по строчкам. Общительность, коммуникбельность, стрессоустойчивость... что за хрень?

– Это резюме на должность официантки, – отбрасываю листик на стол.

– Она и подавала резюме на должность официантки, Максим, – с показным терпением поясняет Даша.

– Тогда какого черта она на шесте делала?!

– Я попросила, – поясняет уже абсолютно спокойно, – мы с ней занимались когда-то вместе. Маша всегда была лучшей. Я просто попросила ее показать этим курицам требуемый уровень. Вот и все.

– То есть устраиваться танцовщицей она не собиралась?

– Думаю, шансы заполучить ее в команду у нас равны примерно нулю. Для нее это всегда был всего лишь спорт. Хотя, может быть, со временем, если бы она увидела, что...

– Суууукааа...

Даша осекается и подозрительно прищуривается.

– А с чего вдруг ты так раздухарился, а, Максим?

– Можешь быть свободна, – отрезаю, вытягивая сигарету из пачки.

Та разворачивается и, виляя задницей в обтягивающей черной юбке до колен, идет к двери. Она старательно пытается соблюдать субординацию, потому что работа ей нравится и зарплатой она не обделена, но после того, как эта задница побывала на моей члене, ее периодически теперь заносит. С Богданом она себе такого не позволяет. У него разговор короткий. А вот я когда-то не просто ее трахнул. Даже думал завести с ней некое подобие постоянных отношений. То ли дрянной характер зацепил, то ли то, насколько самозабвенно она отдавалась и позволяла делать с ней все что вздумается, хотя такой уж искушенной на тот момент не выглядела, но подобная мысль, признаю, была. Не знаю, насколько бы меня при этом хватило, но когда, после того как я попробовал ее со всех сторон, увидел, что в этот же вечер, преданно заглядывая в глаза, ее встречает на парковке какой-то парень с веником такого размера, что в пору цветочный магазин открывать, то тогда это мимолетное желание быстро улетучилось, оставив после себя лишь чувство легкой брезгливости.

Даша открывает дверь, вдруг захлопывает обратно и снова поворачивается ко мне.

– Не советую, Максим.

– Ты о чем?

– Маша тебе не по зубам.

– Даш, тебе твоя работа разонравилась? Другую нашла?

– Я просто предупреждаю, Максим. Трахай дальше своих шлюх и держись от Маши подальше.

– Каких-нибудь вроде тебя?

– Да, Максим, – отвечает, уязвленно отводя глаза, – каких-нибудь вроде меня, – возвращает обратно ставший уверенным и колючим взгляд, – а Маша – это немного не твой уровень. Когда поймешь, уже поздно будет, – и хлопает дверью.

Не мой уровень, значит. Не мой. Уровень. И как это понимать?

Блять. Я же на этот уровень только что чуть с ноги дверь не вынес. Я же ее только что чуть не изнасиловал... и до сих пор кроет...

– А ты вообще собираешься в просмотре участие принимать или как? – снова открывает дверь и снова захлопывает. Опять открывает, – отсмотри хотя бы тех, кого я уже отобрала, – и снова захлопывает.

Да не на что там смотреть...

Камеры!

Все кастинги записываются на случай, если, например, есть сомнения и требуется пересмотреть выступление еще раз.

Поспешно сую сигарету в пепельницу, встаю из-за стола, поворачиваю ключ в замке и плюхаюсь обратно в кресло. Нахожу нужную запись, а потом... потом расстегиваю ремень на брюках. И в этот момент я жалею только об одном: что

позволил ей удрать. А в висках под шум крови пульсирует одна-единственная мысль: как же сладко она на мои пальцы текла...

Маша

В общем, я не придумала ничего лучше, кроме как банально скрыться с места преступления. Я просто уехала. Достаточно с меня стресса. Единственное, что я сделала, так это удалила номер Максима из списка заблокированных контактов, чтобы он мог со мной связаться. Не знаю, как он теперь поступит. Наверняка решит, что я сделала это специально. А одна эта его фара стоит как вся моя машина целиком. Еще больше, наверное, теперь взбесится. Если он куда-нибудь обратится, то никто не станет разбираться в том, что там произошло между нами до этого. Попробуй докажи. А за то, что я уехала, меня лишат водительских прав. И ущерб ему возместить мне нечем. Придется машину продать. Не говоря уже о том, что гарантия на этот случай и на машину в целом распространяться теперь, скорее всего, не будет. Ну за что мне это все, а?

Максим

– Максим, имей совесть, пожалуйста. Некоторые девочки уже больше двух часов ждут. Они на работу пришли устраиваться, а не на прием к королеве, чтобы до вечера тут сидеть.

– Завязывай истерить. Во вторую от начала коридора

пусть проходят. По очереди.

Брюки мне пришлось переодеть. Впрочем, дело привычное. Я не один комплект, так сказать, сменки тут храню. Всякое случалось. Правда, еще ни разу не случалось, чтобы я дровичил как какой-то малолетка, запершись у себя в кабинете, но... суууукааа....

Спустившись на второй этаж, толкаю дверь одной из вип-комнат, тех, что предназначены для приватов, плюхаюсь на диван напротив небольшого круглого подиума с шестом по центру и съезжаю задом вниз, раскрывая на коленях ноутбук.

– Можно? – раздается неуверенное от двери после короткого стука.

– Проходи, – отвечаю, не поднимая головы, – представься.

– Я Карина.

Нахожу резюме этой Карины, пробегаюсь по нему взглядом, потом рассматриваю саму Карину, терпеливо ждущую почти у самого выхода, как будто она готова удрать в любой момент. Коротко стриженные каштановые волосы, серая шелковая блузка, грудь ничего такая, длинные ноги в голубых джинсах... Маша в похожих со мной на свидание ходила. На ней лучше гораздо такие смотрятся. Вздыхаю и пытаюсь сосредоточиться на этой Карине.

– Раздевайся, выбирай музыку и вперед.

Когда Карина клацает мышкой, выбирая музыку, замечаю, как у нее дрожат руки.

– Ты волнуешься, что ли?

– Ну. Немного.

– Если ты сейчас передо мной так дергаешься, как ты будешь перед полным залом выступать? Может, не стоит, если сомневаешься в своих силах?

– Вы так думаете?

– Ну да. Лучше не делать совсем, чем сделать, а потом жалеть.

Девчонка меряет меня задумчивым взглядом и как-то странно улыбается.

– Забавно...

– Что «забавно»?

– Да так, – снова улыбается и вдруг вся подбирается и уверенно отрезает, – я готова.

– Давай. Раз готова.

Двигается Карина неплохо. С тем шанхаем, что вытворяла Маша, не сравнить, но вполне дровичельно. Единственное, что жутко напрягает, – это ее стертые почти до крови колени. Будто она с метр проехала ими по голому асфальту. Впрочем, это уже не моя забота. Даша знает, в каком виде девочек перед публикой выпускать.

– Ну как?

– Нормально. Отдел кадров на третьем этаже. Можешь идти. Следующую позови там.

Карина молча сгребает в охапку джинсы, блузку... делает несколько шагов к двери, растерянно прижимая их к груди,

потом останавливается, с пару секунд медлит и возвращается обратно, вставая напротив.

– Прежде чем вы меня примете, я должна вас предупредить.

– Говори.

Тяжело сглатывает, отводит взгляд и сипло выдавливает:

– Раньше я работала у Льва Касимова.

Несколько мгновений молча рассматриваю ее стертые колени и низко опущенную голову.

– И как уйти смогла?

– Мой сын сильно болел, ему нужно было дорогостоящее лечение, сделать операцию и...

– Я спросил не об этом, Карина, – перебиваю, не дослушав, – мне неважно, как ты там оказалась. Меня интересует, как и почему Касимов тебя отпустил.

– Мне помог один человек, который на него работает. Его зовут Егор. Я не знаю, как это вышло, но он узнал, что я хочу сбежать. Думаю, кто-то из девочек меня ему сдал. Я ждала, что теперь меня отправят на постоянную основу в один из тех клубов, из которых не выпускают, но спустя пару дней он принес мне мой паспорт и сказал, что я могу уйти. Сказал, что взамен иногда будет меня навещать.

– Я понял, Карина. А с коленями у тебя что?

– Позавчера Егор приходил меня навестить...

Жесть, бля...

– Зачем тебе эта работа, Карина? Тебе ведь наверняка

объяснили правила. Обслуживать клиентов за деньги у нас запрещено.

– Я поэтому и пришла. Я хочу начать нормальную жизнь.

– Знаешь, я не хотел бы тебя обидеть, Карина. Впрочем, мне похер, обидишься ты или нет, – говорю и вижу, как взгляд девчонки тускнеет, коротко стриженная головка снова поникает, а плечи опускаются еще ниже, – но прежде чем приступить к работе, тебе нужно будет пройти диспансеризацию. В первую очередь меня интересуют данные гинекологического осмотра. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Я чистая, – выдыхает с надеждой в голосе, поднимая на меня недоверчивый взгляд.

– Я не стану верить на слово, Карина. Принесешь справку о здоровье и можешь вместе с ней приносить трудовую.

– Спасибо. Спасибо вам большое, – прижимает ладонь ко рту и устремляется к выходу.

– И колени в порядок приведи! – ору ей вслед.

Гор – животное безмозглое. Удивительно, как она вообще этого монстра смогла в себя принять и выжить. Впрочем, удивительнее другое. Как он смог ее отмазать. От Касимова так просто не уходят, это факт. Надо будет предупредить Богдана на всякий случай, что из-за нее могут быть проблемы с одним из главных в этом городе поставщиков хлеба и зрелищ. Еще наркоты и безотказных девочек. Богдан не расстроится. Ему только повод дай.

– Если тренер узнает, что мы влезли в нелегальные бои, вышвырнет из зала как щенков обоссанных, – хмуро сказал Богдан, прикладывая к щеке холодный компресс.

– Не узнает. По-моему, он уже привык, что у нас все время рожа в фарш разбита, – отмахнулся Максим, сидящий рядом с таким же компрессом, который прижимал к кровоподтеку под левым глазом.

– Что думаешь по поводу субботы?

– Думаю, Касимов большой отморозок. Он сделает все, чтобы в финал вышли именно мы. Ему будет по приколу выставить на ринг двух лучших друзей друг против друга. А если будем играть в поддавки, денег нам не видать. Публике нужно мясо.

– Откажемся?

– Ты про Ковальчука слышал? Он отказался. Теперь со сломанными руками в больничке отдыхает. Говорят, месяца через три выйдет, не раньше. Какие-то железяки ему вставили, про бокс можно до конца дней забыть, хорошо, если хер удержит, чтобы поссать сходить. Касимов так просто не отпускает. Зря мы в это дерьмо влезли, – добавил раздраженно Максим, отбрасывая компресс.

Богдан тяжело вздохнул.

– У меня весовая больше, – хмуро проговорил, уже понимая, что задумал друг.

– А я быстрее. И у тебя плечо.

– Плечо до субботы пройдет. Я тебя размотаю.

– Чем больше шкаф, тем громче падает.

– Бабки пополам?

– Бабки пополам, – подтвердил Максим и, сунув сигарету в рот, щелкнул зажигалкой, – при любом раскладе.

...

Богдан открыл глаза и уставился в покачивающийся потолок с посеревшей облупившейся побелкой. Воняло хлоркой и какими-то медикаментами. Справа раздавался размеренный писк приборов. Следом слышался легкий шорох и тихое покашливание. Богдан медленно повернул голову, сталкиваясь с насмешливым взглядом темно-карих глаз. Максим лежал на соседней койке через застеленный вытертым рыжим линолеумом проход, покручивая в пальцах сигарету: курить в больнице было нельзя, но очень хотелось.

– Хуево выглядишь, тушенка, – заключил со скепсисом в голосе, смерив друга взглядом.

– Ты не лучше. Дрищ.

Оба тяжело вздохнули и помолчали.

– Мы теперь богатые? – хмуро уточнил Богдан, вернувшись к изучению проплешин на потолке.

– Хер там плавал. Богатые... Касимов не заплатил.

– В смысле не заплатил? – нахмурился непонимающе, – я же упал.

– Я упал секунды через три после тебя. Так что, с его слов, раз победителя нет, то и платить ему некому.

– Сука...

– Ага. Еще сказал, что, как восстановимся, он ждет нас на следующий бой, – небрежно добавил Максим.

И раздраженно отбросил сигарету в сторону. Действие обезболивающего заканчивалось, без него встать было практически нереально, а за предыдущее курение в кровати ему уже пообещали принудительную выписку.

...

– А ты где пропадаешь по ночам?

– Врачию нашу трахаю, – спустя несколько секунд молчания прогудел в ответ размеренный бас.

– Не старовата она для тебя?

– Нет, – немного подумав, ответил Богдан, – ей тридцать всего.

– Ага. И тебе восемнадцать.

– Ну и что? Она красивая. А еще она, кстати, справку нам сделает. Об инвалидности.

– А дальше мы с этой инвалидностью как потом жить будем?

– А потом она исчезнет, когда Касимов отстанет, – пояснил Богдан и жестко добавил, – только бабки свои мы у него все равно заберем.

– Богдан, тебе жить надоело?

– Мы аккуратно все сделаем.

Маша

– Такое вот несостоявшееся изнасилование... Изнасилование, во время которого я даже не попыталась позвать на помощь и во время которого я вся вымокла. Как думаешь, это нормально? Может, какая-нибудь защитная реакция организма? Какой-нибудь бессознательный механизм, защищающий женские органы от повреждений в случае опасности. Может, бывает такой? У меня был курс и психофизиологии, и виктимологии, но ни о чем подобном там не рассказывалось. Ладно-ладно. Больше не буду говорить ерунду. Тут все очевидно. Я возбудилась, когда он меня трогал. Пусть и трогал без моего согласия. Дурак психованный... – я в последний раз жму на рычажок пульверизатора и отставляю его на стол, – комара хочешь?

Да. Я отменила тогда в магазине покупку Максима. А потом подумала и выкупила эту гелиамфору. Сама. У меня ей лучше будет. Правда, в последнее время бедолаге приходится постоянно выслушивать потоки моих жалоб, но она ничего, держится.

Вернувшись домой, я первым делом принимаю душ, а выйдя, беру телефон, чтобы найти какой-нибудь соответствующий моей проблеме автосервис, куда можно отвезти машину в ремонт. Когда сижу за столом в кухне, жуя бутерброд и одновременно с этим читая информацию на сайте вроде бы подходящего сервиса, телефон издает сопровождаемый вибрацией короткий писк.

«Маш, слушай, я так и не поняла, что у вас там за отно-

шения с Максимом, но если он станет к тебе подкатывать, то будь с ним аккуратней. Он кобель. У него каждый вечер новая. А я не сдержалась, когда он про тебя спрашивал, наговорила ему лишнего и, кажется, случайно активировала в нем инстинкт самца-добытчика».

«Даш, боюсь, что он у него еще раньше активировался. Но за предупреждение спасибо».

«И как я сразу не поняла. Уже подкатывал? Ты его отшила, да? Правильно сделала. А у меня вот в свое время мозгов на это не хватило».

Я перечитываю сообщение трижды: отчего-то взгляд каждый раз спотыкается на последнем предложении, а в груди что-то неприятно свербит и припекает. Наверное, я не отвечаю слишком долго, поскольку Даша присылает еще одно сообщение:

«Работать к нам точно не придешь?»

«Нет, Даш. Не приду».

«Так я и думала. Ладно. Обращайся если что».

Только уже глубокой ночью, когда я лежу на диване, пытаюсь сосредоточиться на «Вопросах детской психологии», телефон под подушкой опять издает короткий писк, сопровождаемый «вжиком» вибрации. Максим. Я больше не знаю ни одного человека, который стал бы писать мне посреди ночи. Под гулкий стук сердца в ушах открываю сообщение. Максим прислал мне фотографию своей разбитой машины и ниже один только знак вопроса.

«Максим, это случайно вышло. Я не справилась с управлением, когда выезжала с парковки».

Проходит несколько минут, но он ничего не отвечает. Не знаю, хорошо это или плохо, но в итоге не выдерживаю и отправляю ему еще одно сообщение:

«Прости, пожалуйста. Я правда не специально».

Проходит еще несколько минут, прежде чем он присылает короткое:

«Ты в порядке?»

«Да».

«Дома?»

«Да».

Глава 7

Маша

В общем, в этот раз я все тщательно проверила. Владелец этого клуба какой-то Лев Касимов. У него вторая по размерам сеть ночных клубов в городе. Никаких Максимов и Богданов. Вероятнее всего, они вообще с ним конкуренты. Правда, если о «Пульсе» и других клубах Максима и Богдана при желании можно найти кучу всякой информации, поскольку у них есть в том числе и официальный сайт (и что мне помешало хоть одним глазком заранее туда заглянуть? Поразительная халатность!), то про сеть с названием «Бабочка» никакой особой информации нет, разве что куча хвалебных отзывов, оставленных якобы посетителями и вызывающих подозрение, что все они или покупаются, или подчищаются, так как отрицательных среди нет. Во всяком случае, ничто не мешает мне провести небольшую разведку. Условия при описании вакансии они предлагают заманчивые. Немаловажно, что именно этот клуб, куда я сейчас направляюсь, находится не так уж далеко от моего дома, и это очень удобно, что сюда в случае чего я могу дойти пешком, тем более что, после того как я въехала на стоянке в машину Максима, моя машина теперь в ремонте.

Обстановка тут какая-то вульгарная, что ли. Если «Пульс»

выглядит, я бы сказала, ультрасовременным и стильным – голубая неоновая подсветка, строгие стремительные линии, много стали, кожи и зеркал – то здесь же... слишком много красного, слишком много черного. Одни эти красные абажуры над столиками чего стоят. Для чего они в клубе? На бордель какой-то похоже.

За частью столиков уже сидят посетители: в отличие от «Пульса», здесь собеседование назначили на вечер и причины становятся понятны сразу же. Девушка-администратор, высокая стройная брюнетка со стрижкой каре, представившаяся Полиной, торопливо поясняет на ходу, ведя меня к двери комнаты для персонала:

– Все просто, Маш. Выйдешь на пару часов в зал, я смотрю, как ты справляешься, если все в порядке – могу хоть завтра в смену поставить.

– А оформление?

Полина на пару секунд зависает, потом неохотно поясняет:

– Если очень нужно, могу и оформить. Но я так поняла, тебе как подработка нужна. Уверена, что сможешь с основной работой совмещать? Если смены совпадут, где-то прогул получится.

– Я думала, график заранее составляется.

– Заранее-то заранее, но всякое ведь бывает. Ты подумай. С зарплатой мы не обманываем, можешь у девочек спросить. Чаевые от клиентов все себе можешь забирать.

В комнате для персонала Полина выдает мне форму – широкую неприталенную черную тунику из жесткого хлопка и такие же брюки.

– Полин, извини, мне кажется, она несвежая.

– Да?

Полина протягивает руку, забирая у меня форму, и принохивается.

– Может, и несвежая. Сейчас, подожди.

Решив вопрос с формой, ждет, пока переоденусь, всунув сигарету внутрь маленького прямоугольного устройства и задумчиво поглядывая в мою сторону. Сразу из комнаты для персонала ведет на кухню и показывает основные помещения. Говорит, что пока работать я буду в главном зале – он тут один, тот, что с красными абажурами. После этого я беру ручку, блокнот, которые можно разместить внутри широкого кармана на тунике спереди, и иду к столикам. Народу в зале за это время поприбавилось.

Работа несложная, ничего такого, чем бы я уже не занималась когда-то, но мне здесь не по себе. Если в «Пульсе» было очевидным, что Даша нацелена на организацию фееричного шоу, то здесь же девушки с безразличным лицом и каким-то пустым взглядом лениво елозят почти голым задом в крошечных стрингах по пилону, даже не пытаюсь придать танцу хоть какой-то элемент артистичности.

К какому бы столику я ни подошла, каждый раз ловлю на себе странные взгляды: тяжелые, давящие, оценивающие.

И это несмотря на свободную, практически бесформенную, одежду. Словно я не официантка, а товар на магазинной полке. Так смотрят даже те мужчины, которые пришли со спутницами, хотя таких тут почти нет. Вообще, практически весь контингент клуба состоит из мужчин разных возрастов, и танцующие девушки периодически уходят с одним из них куда-то вглубь коридора, иногда с двумя или тремя, а то и с целой компанией.

Чаевые тем не менее оставляют хорошие, и в целом вечер проходит без каких-либо эксцессов.

Когда я переодеваюсь обратно в свои блузку и брюки в комнате для персонала, то все еще пребываю в раздумьях относительно того, как надолго смогу тут задержаться и смогу ли в принципе. Вроде бы все хорошо, но какое-то непонятное, липкое и неприятное, ощущение никак не покидает.

– Маш, ну что? Вроде неплохо справляешься. Я завтра поставлю тебя в смену? А то у нас совсем завал.

– Ладно, Полин, – все-таки соглашаюсь, – но не обещаю, что задержусь у вас надолго. Мне подработка на время только нужна.

В конце концов, получается, что мне будет даже на руку отсутствие официального оформления. В любой момент смогу отказаться, если передумаю. И что-то мне подсказывает, что очень скоро передумаю, поскольку сомнения никуда не делись, а обнадеживать Полину и тем более подставлять кого-то внезапным исчезновением не хочется. Полина вроде

неплохая девушка, хотя иногда в течение вечера я ловила на себе ее взгляды, почти такие же, как у мужчин за столиками. И от этого тоже не по себе.

– Тогда договорились, – Полину сомнение в моем голосе нисколько не смущает, – завтра к восьми тебя жду. Слушай, пока не ушла. Там директор приехал. Занеси ему кофе, пожалуйста. Он у себя в кабинете. Первая дверь направо, как из зала выходишь.

– Хорошо, Полин. Только я уже переоделась.

– Ничего страшного, – отмахивается, – ему это без разницы. Только предупреди его сразу, что ты официанткой.

Нужная дверь находится в начале того коридора, который ведет из зала, судя по всему, к административным помещениям и никак не связан с тем крылом, куда девушки уходили для частных танцев с посетителями.

Директор, тот самый Лев Касимов, сидит в мягком низком кожаном кресле в глубине кабинета, заставленного явно дорогой, но безвкусной и разномастной мебелью. Слева от него большой рабочий стол с лакированной темно-бордовой поверхностью, справа – низенький и стеклянный на стальных ножках.

Я обычно никогда не сужу людей по внешности, но не могу не отметить, что наружность у него, под стать кабинету, на редкость отвратительная. Рыхлая неровная кожа лица, широкий приплюснутый нос, тонкие бледные губы-ниточки и бритый затылок. Зато фигура... настоящий шкаф.

Гора мышц под темно-синим вязаным пуловером с воротником под горло, который совершенно ему не идет из-за того, что шея у него толстая и короткая, и серыми брюками. Впрочем, это не мешает мне вежливо улыбаться ему, когда я ставлю поднос с кофе на стол, решив выбрать тот, который низенький и стеклянный.

– Добрый вечер. Ваш кофе, пожалуйста.

– Новенькая?

Глаза у него маленькие, глубоко посаженные, а взгляд въедливый и тяжелый. При этом лицо никак не меняет своего выражения, только глаза, буравящие, впивающиеся, словно живут какой-то своей отдельной жизнью. Чувствую себя голой под этим протыкающим насквозь взглядом.

– Да. Официанткой к вам устраиваюсь, – отвечаю, разгибаясь, – сегодня стажировка, а завтра в смену выхожу, – и решаю, что правильно будет сразу предупредить и его тоже, – но я на время только, – поясняю с улыбкой, – потом планирую...

– Зовут как? – перебивает, не дослушав.

Ну и манеры.

– Маша.

– Дерьмовое имя, – бьет словами наотмашь, помолчав, и с той же интонацией добавляет: – Сиськи покажи.

Что, простите? Мне это послышалось сейчас? Улыбка ментально сползает с моего лица. Директора клубов нынче что, все на голову отбитые?

– Оглохла? Раздевайся, сказал.

– Прошу прощения, Лев... – черт. Я и отчества его не знаю. Да плевать, – как вас там... вы в своем уме?

– Делай, что сказано. Или о том, чтобы еще хоть куда-то устроиться в этом городе, можешь забыть. Работать сможешь исключительно у меня. Только будешь делать это бесплатно.

Ну точно больной. У него или делирий, или шизофренический психоз. Говорят, с психами спорить нельзя, но за последнее время я порядком устала от мужчин, возомнивших себя центром мироздания. Про какую бесплатную работу он говорит? Я что-то упустила, и у нас в стране снова ввели крепостное право? По крайней мере, без работы в магазине я точно не останусь. Наш директор – Марк Петрович – известный ученый, химик-биолог, у него куча всяких разработок в этой области плюс он довольно состоятельный бизнесмен. У него сеть цветочных магазинов, торгующих редкими и экзотическими растениями, в одном из которых я как раз-таки и работаю, и своя линейка натуральной косметики. Думаю, у него хватит ресурсов противостоять возможному натиску, но, чтобы этот бандит попытался надавить на него из-за моей скромной персоны, рискуя тем, что это дело получит огласку, – весьма маловероятно. Работать по профессии я устроюсь еще очень и очень нескоро. Думаю, к тому моменту, когда я получу диплом, он про меня и думать забудет. Так что остается только...

– Как?! – наигранно охаю, – то есть я больше не смогу

устроиться работать официанткой?! Какой ужас! – и жестко добавляю: – Что поделать. Придется отказаться от главной мечты всей жизни.

– Дерзкая, значит, сучка? – уточняет, медленно поднимаясь из кресла, – это ничего. Обожаю ломать маленьких блядей.

– Пошел к черту. Больной.

За это время я, пятясь назад, шажок за шажком уже добралась до двери, врезавшись в нее спиной. Стремительно разворачиваюсь, дергаю дубовое полотно на себя и... влетаю прямо в грудь здорового амбала, стоящего сразу за дверью.

– Не выпускать, – раздается короткий приказ у меня за спиной.

Вот черт! Я же уверена была, что смогу удрать. Отступаю спиной обратно за порог кабинета и медленно закрываю дверь. Снова разворачиваюсь и, еще не успеваю опомниться, как в это же мгновение щеку обжигает увесистый удар тыльной стороны ладони, так что я, не удержавшись, валюсь коленями на пол. Он меня ударил...

Мужчина хватая мои волосы почти у самого лба и идет обратно к креслу, волоча меня за собой, так что мне приходится буквально ползти следом. Сам он при этом идет, будто бы вообще не напрягаясь и будто бы все происходящее для него настолько привычно, как если бы он нес пакет с продуктами из магазина, а не тащил за волосы живого человека.

Швырнув меня на пол у кресла, усаживается обратно и повторяет свой приказ тем же тоном, что говорил до этого:

– Сиськи покажи.

Дрожащими руками поднимаю полы блузки, как на приеме у терапевта, и сдвигаю вверх чашечки бюстгалтера. Мужчина протягивает руку и со скучающим лицом крутит пальцами сосок. Я осторожно скашиваю взгляд по сторонам, повторно осматривая кабинет. Стол, тяжелое мраморное пресс-папье почти у самого края, окно, шкаф, дубовая дверь, за которой стоит тот амбал...

– Маленькие, – заключает, напоследок болезненно оттянув вершинку, и берется за пряжку ремня на брюках, – для начала ртом поработаешь.

Картина с изображением каких-то коней на стене, стул на толстых круглых ножках, стеклянный столик, на котором поднос с чашкой кофе, что я принесла, еще одно окно, отражение потолочного плафона на его темной гладкой поверхности...

Вздрагиваю, когда внезапно раздается тихий щелчок, и я чувствую, как к моей щеке прижимается холодное острое лезвие ножа.

– Рот откроешь или сделать шире, чтоб удобнее было?

– Я открою, – говорю тихо, отводя взгляд, чтобы не смотреть ему в глаза.

Мужчина складывает нож и убирает обратно в карман. Я сижу, низко опустив голову, и, когда он вслед за ремнем рас-

стегивает молнию, поднимая на него полный страха покорный взгляд.

– Можно только маленькую просьбу?

Он чуть склоняется ко мне и бьет ладонью по щеке. Уже не так сильно, как в первый раз, скорее, просто унижительно.

– Решила, что раз дохуя языкастая, то будешь чем-то отличаться для меня от других дырок?

– Пожалуйста, – прошу его слезно, глядя снизу вверх, – для вас это ничего не будет стоить, – и пока он снова не ударил или не стал возражать, поспешно прошу, – закройте, пожалуйста, дверь. Там этот мужчина. Я не хочу, чтобы он вошел и увидел. А потом можете делать со мной, что хотите.

– Я лучше попрошу его присоединиться. Ты так и так будешь по три-четыре члена за раз обслуживать.

И вот тут до меня в полной мере доходит окончательное осознание. И того, куда уходили те девушки из зала, и того, о какой бесплатной работе шла речь.

– Я к такому еще не готова. Извините, что нагрубила. Я переволновалась сильно. Я первый раз. Раньше не работала никогда. Думала сначала официанткой. Присмотреться просто. А вы так сразу. Можно я только с вашего члена начну? – опускаю голову и тихо добавляю: – Пожалуйста.

Мужчина кладет ладонь мне на макушку и с силой пихает вниз, в сторону пола, этим жестом еще раз показывая, в каком я перед ним положении. Потом встает из кресла и неторопливо идет к двери. Лишь короткое мгновение я смотрю

ему в спину, следом переводя взгляд на мраморное пресс-папье на столе.

Нельзя. Во-первых, он среагирует быстрее, во-вторых, просто нельзя. Даже огрызаться и показывать зубы было нельзя, но я не сообразила сразу, *насколько* все плохо. Да я и думать не знала, что в нашем городе вот так открыто работают заведения подобного плана. Надеюсь, мое поведение не станет достаточным основанием для того, чтобы он стал тратить на меня свое время в дальнейшем. Судя по тому, как легко он сделал то, что сделал, для него это рядовое событие. Тут полно других девушек, которые смогут удовлетворить его звериные прихоти.

Я подсказываю на ноги и бросаюсь к окну. Не оборачиваясь, дергаю приоткрытую створку и перемахиваю через подоконник. Мне везет. Этаж первый, хоть и довольно высоко, но под окном ничего нет, кроме крупнозернистого асфальта, на который я приземляюсь на корточки, едва не стукнувшись коленями. Толкаюсь из низкого старта и срываюсь с места.

Переулок, еще один, грязная кирпичная стена, мусорные баки – несколько больших зеленых и один маленький желтый, ряды облетевших берез, памятник Ленину, переулок, переливающаяся розовая вывеска, черная железная дверь, бетонная стена, граффити, низкие заросли стриженного кустарника, выбоина на асфальте, лестница, плитка, парапет, вода... тихий плеск волн, гонимых легкими порывами осеннего ветра, на поверхности почти черных вод озера, места-

ми желтовато искрящихся в свете высоких фонарей. Остановливаюсь и пытаюсь отдышаться. Спина под курткой вся взмокла, и теперь становится зябко. Липко и противно.

Как бы я ни пыталась крепиться и держаться, но чувствую себя совершенно паршиво. Раньше меня никто и ни разу не бил. Даже родители в детстве ни разу не наказывали подобным образом. А мне и пожаловаться некому. Нет, конечно, я самостоятельная, сильная, решаю свои проблемы сама и все такое. Но куда мне против слетевших с катушек мужиков? Проедутся катком и глазом не моргнут. Знаю, что это быстро пройдет, но в этот момент чувствую себя жалкой и униженной. А еще в какое-то мгновение меня почему-то жутко распирает и дерет желание позвонить Максиму и высказать все именно *ему*. Сказать о том, что все они мерзавцы и подонки и нормальных мужчин вообще, похоже, в этом мире не осталось, и обвинить во всем этом исключительно непосредственно *его*. Глупость несусветная. Или не глупость. Глупость сугубо в свете того, что я сейчас старательно вру сама себе. Потому что на самом деле, вспоминая сейчас о нем, я подсознательно ищу в нем защиту. А это очень. Очень и очень плохой признак. Да, я понимаю, что тогда он повел себя ничем не лучше этого Льва, но, возможно, эта неосознанная тяга у меня из-за того, как он орал потом на охранника, который меня схватил, ясно давая понять, что трогать меня никому нельзя. Кроме него. Как будто все, что было между нами перед этим, – это «милые бранятся – только те-

шатся», а вмешиваться в это никому нельзя. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что кто-то меня ударил?

Что ж так хочется к кому-нибудь на ручки, а?! Зараза!

– Девушка, у вас все в порядке?

Я порывисто оборачиваюсь и замечаю, что буквально в метре от меня стоит высокий мужчина в черном классическом пальто. А я даже не услышала, как он подошел. Вот мало мне проблем. Что я тут вообще делаю? Вместо того, чтобы пойти домой и запереть дверь на все замки, болтаюсь по пустынной в это время набережной в полном одиночестве. Вон и кусты удобные прямо за нами. Ему пару метров всего меня протащить.

Мужчина вдруг скидывает руки ладонями вверх и делает шаг назад.

– Я не хотел пугать.

Голос у него приятный. Глубокий и насыщенный. Хрипловатый немного.

– Подумал, может, помощь нужна. У вас лицо такое расстроенное. Да и зря вы тут одна в такое время ходите. Если хотите, могу до дома вас проводить. Меня Илья зовут.

– Спасибо, Илья. У меня все в порядке. Я всего лишь гуляю, чтобы отвлечься после тяжелого дня.

Илья на мои слова улыбается. Улыбка у него обаятельная и располагающая. Почему-то создается впечатление, что он в принципе часто улыбается. Наверняка при ярком дневном свете будут видны лучистые морщинки в уголках глаз,

поскольку, улыбаясь, он слегка щурится. На вид ему чуть больше тридцати. Широкий разворот плеч, стильная стрижка светло-русых волос, коротких снизу и длинных на макушке, и отчего-то пугающие до мурашек, учитывая место и время нашего общения, черные кожаные перчатки на руках.

– Понял. Я пойду тогда. Извините, если напугал. Приятного вечера.

Разворачивается и действительно просто уходит.

Несколько секунд я смотрю ему в спину, а потом срываюсь следом.

– Илья, подождите!

Он останавливается и оборачивается. Снова мягко и дружелюбно улыбается.

– Передумали? Это правильно. Там компания подростков у выхода явно нетрезвых. Мало ли чего.

– А вы сами что тут в такое время делаете в одиночестве? Меня, кстати, Маша зовут.

– Очень приятно, Маша. Тебе идет это имя.

А кто-то сказал, что дерьмовое.

– Ничего, что я так сразу на «ты»?

– Ничего.

– А в одиночестве я, Маш, потому что у меня тоже был, скажем так, не самый легкий день. Решил вот проветриться перед сном. Я неподалеку тут живу.

Всю дорогу до моего дома мы ведем неторопливую беседу. Илья охотно рассказывает о себе, о том, что у него соб-

ственный крупный магазин по продаже электроники, в котором сегодня была серьезная проверка, изрядно пошатнувшая его душевное равновесие, и о том, что он любит гулять один, поскольку вся его работа в целом завязана на постоянном общении с людьми, от некоторых из которых он жутко устает. Со мной тем не менее он общается с большой охотой – я больше слушаю, чем говорю, и к тому моменту, когда мы сворачиваем во двор моего дома, под его размеренную плавную речь почти прихожу в себя. Не испытываю ни малейшей неловкости от его присутствия, Илья тоже ведет себя непринужденно и открыто.

– Маш, может, сходим куда-нибудь вместе? Оставишь мне свой номер?

Симпатичный. Вежливый и обходительный. Доброжелательный. Может быть, встретить я его чуть раньше. Когда еще рассматривала возможность каких-либо отношений, но не сейчас. Не сейчас, когда мужчины, попадающиеся мне на пути, вызывают горькое разочарование во всех представителях сильного пола.

– Илья, ты только не обижайся, я благодарна тебе за помощь и за то, что проводил, но я сейчас не ищу отношений. Так что не получится.

– Ладно, Маш. Только не буду скрывать, что ты мне очень понравилась. Может, ты мой номер запишешь? Позвонишь, если передумаешь.

Неожиданно. Принял мой отказ, ни на чем не настаивает

и в то же время...

– Хорошо, Илья.

Уже укладываясь спать, я вспоминаю про Полину, которой обещала завтра выйти. Вряд ли она могла предполагать то, что в итоге произошло в кабинете этого их «директора». Наверное, ничего не знает о случившемся и будет на меня рассчитывать.

«Полин, прости, пожалуйста, но я завтра не выйду. И работать у вас передумала. Я понятия не имела, на чем специализируется ваше заведение. Думала, что обычный клуб».

«Маш, у нас официантки – это официантки. Ты можешь заниматься только обслуживанием столиков».

«Не могу. Ваш директор ко мне приставал, угрожал, а еще ударил. Извини, но мне моя безопасность дороже».

Я решаю не пояснять Полине, что в принципе никогда бы не стала работать в подобном месте. Мне нужна веская причина, по которой там забудут о моем существовании, а не спор о моральных ценностях и нравственности. Кажется, срабатывает, поскольку в ответ приходит короткое и сухое:

«Ясно».

Я жду еще несколько минут, но Полина ничего больше не пишет. Не выдерживаю и отправляю ей еще одно сообщение:

«Мне жаль, что я тебя подставляю с завтрашней сменой. Извини, пожалуйста, еще раз, что так вышло».

Похоже, с карьерой официантки у меня дело не задалось. Сначала один ненормальный, потом другой. Пожалуй, ну его

к черту. На третий раз меня точно изнасилуют. Наверное, хватит уже испытывать судьбу.

Глава 8

Маша

– Давай, крошка, прогнись как следует, – приказывает Илья и шлепает меня ладонью по заднице.

Я выгибаюсь сильнее, почти касаясь грудью бархатистой синей спинки дивана, отчего на бедрах сзади обнажается полоска кожи между кружевом черных чулок в сеточку и черной кожаной мини-юбкой в обтяг.

– Больше секса, Маш, – командует Диана, – это трах. Безжалостный и беспощадный.

Несколько раз щелкает затвором и снова командует:

– Илюх, за волосы ее возьми.

Илья запускает пальцы мне в волосы и тянет затылок назад.

– Есть! Всё. Следующая. Вика, давай.

– Нууу. Я даже не знаю, – с наигранным сомнением тянет Вика, облаченная в черный латексный комбинезончик, – вообще-то я приличная мать двоих детей.

– Давай, мать, – подначивает ее Юля, – я б тебе вдула, – и делая глоток из бокала, добавляет, – если б член, конечно, был.

– Илья, ну е-мое, – раздосадованно говорит Диана, – только что был неукротимый трахарь-террорист, а на жену смот-

ришь как лакей, который королеву впервые увидел.

Вечеринка в честь Катиного двадцатипятилетия в самом разгаре. Тема вечера – «БДСМ». Девчонки здесь все немного старше меня. Кому-то уже под тридцать. И я не знаю других людей, которые еще могут так же отчаянно и отвязно веселиться, как взрослые замужние женщины. Наши студенческие вечеринки по сравнению с тем, что вытворяют эти бесстыи, – детский лепет. У Ильи и Вики за плечами годы брака, двое замечательных мальчишек, которых сегодня оставили с ночевкой в гостях у бабушки, но при этом, глядя на них, невольно задумываешься, что такая штука, как любовь, возможно, и правда все-таки существует. Как же он на нее смотрит! Вообще, мужчин здесь меньше, чем девушек, поэтому некоторых из них жены вроде абсолютно не ревнивой Вики сдают, так скажем, в аренду для фотосессии. В соцсетях такие фотографии, конечно, не выложишь, но все равно прикольно.

– Кажется, у кого-то сегодня точно будет секс, – задумчиво говорит Катя, вставая рядом со мной у столика с канапешками и глядя, как Илья и Вика позируют на камеру.

– Они классная пара.

– Классная, да. Со школьной скамьи вместе. Илюха души в ней не чает, – соглашается Катя, покачивая пузырящуюся жидкость в бокале, – ты как, останешься еще? Мы думаем потанцевать куда-нибудь двинуть.

– Я домой, Кать. Завтра на работу утром вставать, еще к

сессии пора готовиться потихоньку. Да и одежду сменную я не брала. Не в таком же виде идти. Не обижайся, ладно?

– Ладно. Спасибо, что пришла, Маш, – обнимает меня за плечи и чмокает в щеку, – к нам придешь? Иришка тебя там уже ждалась, и Данил несколько раз спрашивал.

– Приду, конечно.

С Катей мы познакомились, когда я проходила производственную практику в доме-интернате для детей с ограниченными возможностями, где она работает воспитательницей. В меру строгая, чуткая, заботливая, любящая детей пампушка оказалась той еще шкатулкой с секретом, так что озвученная тематика мероприятия в честь ее дня рождения никакого удивления у меня не вызвала. И я бы осталась, но завтра на самом деле смена в магазине и с подработкой нужно уже наконец-таки что-то решать. Я и пить не стала, чтобы уехать обратно на своей машине. Так и дешевле, и удобнее, и быстрее. Буквально сегодня я забрала ее из сервиса, где приводили в порядок погнутый капот и меняли еще какие-то штуки спереди. Максим, кстати, за эти дни ни разу не объявлялся, из-за чего я сделала вывод, что предъявлять мне претензий по поводу своей разбитой машины он не станет.

Уже почти у самого поворота к дому из-под днища машины раздается громкий стук. Что за... я останавливаюсь у обочины и обхожу машину по кругу. Колеса на месте. Это единственное, что мне удастся понять. Снова сажусь за руль, трогаюсь с места, но внизу что-то так жутко гремит, что ста-

новится страшно. Блин... я же только что ее из сервиса забрала... конечно, она там была по совсем другой причине, но... блин...

В общем, я оставляю машину на обочине, благо, что до дома я почти доехала, и решаю отложить эту проблему до завтра. На улице уже стемнело, нужно сначала решить, что теперь делать, да и сейчас наверняка уже везде закрыто. Мысленно прикидываю, что на пятнадцатисантиметровых каблучках делать круг через главный въезд мне не очень-то хочется, и решаю сократить по короткой тропинке между гаражей. Там в одном месте, конечно, лужа по колено, но кто-то из соседей соорудил вполне сносные мостки, так что пройти я смогу.

Максим

Дааа... Я опять торчу у ее подъезда. И да. На сиденье моей машины опять лежит букет из роз. Они же их берет. Эти розы сраные. Что я тут делаю? Превратился в долбаного сталкера. Это нездоровая хрень, которая пахнет одержимостью. Что я собираюсь делать? Ну видимо, опять извиняться? Что еще мне остается? Бля. Да я за всю жизнь столько не извинялся, сколько за последние дни перед этой Машей. Чувствую себя локомотивом, прущим по накатанным рельсам, пока в голове отчаянно гудит мысль, что я все делаю не так. Я не такой кретин, чтобы этого не понимать. И все равно стою тут. Как какой-то кретин.

Я старался. Даже с горем пополам все-таки трахнул в рот одну из новых танцовщиц, что раз пять за вечер приходила ко мне в кабинет с какими-то тупыми вопросами, забыв при этом переодеться. Последний раз «случайно» уронила телефон мне под ноги и «случайно» упала на меня, споткнувшись, когда вставала. Пока она старательно сосала, поливая член слюной, просматривал в телефоне видеозапись Машиного танца. Звук выключил, потому что унижать сосунью в планах не было. Еле кончил. Девка, по-моему, слегка утомилась. Я утомился сильнее. Уже прекрасно понимаю, что ни к чему хорошему это походу не приведет, но мне нужен исключительно Машин рот. И исключительно сама Маша. Я от нее не отстану, пока не добьюсь своего. Тут без вариантов. Все, что у меня вышло за эти несколько дней, так это четко уяснить: по-другому вернуться к своей нормальной жизни у меня не получится. Я не чувствую вкуса еды, я не получаю удовольствия от секса, не чувствую азарта, входя в многомиллионные сделки, не чувствую удовлетворения, закрывая их в свою пользу, и просыпаюсь посреди ночи, потому что член протыкает матрас. Я. Заебался.

В магазине ее нет, дома ее нет, зашел – проверил, и я торчу тут уже второй час. Пока стою – работаю. Изредка посматриваю в сторону неприметного серого седана, который подъехал почти одновременно со мной, но из которого за все это время никто не показался. Несколько мужиков внутри так и сидят с кислыми минами и чего-то ждут. В глубине двора

компания из шести парней облепила облезлые скамейки на пустой в этот час детской площадке.

Пиликает домофон на двери подъезда, и наружу выходит какой-то парень. По виду подросток. Длинный и тощий, как палка, в безразмерных кроссовках и с всклокоченными, местами слипшимися, как перья у мокрого цыпленка, волосами. Не глядя по сторонам, чапает прямо по лужам в сторону гаражей ближе к выезду со двора – там, видимо, можно сократить путь до выхода на проспект – и в этот момент шестерка на детской площадке как по команде поднимается со своих мест. Всклокоченный, который вышел из подъезда, словно почуяв неладное, бросает взгляд через плечо и срывается с места, высоко задирая худые коленки. Шестерка срывается вслед за ним. А к гаражам-то зачем побежал? В подъезд вернуться успел бы, идиот. В людное место хотя бы беги. Не успеет. Бегает как раненная в жопу цапля. Впрочем, не мое это дело. Вытаскиваю из кармана сигарету и сую в рот, все еще поглядывая в сторону гаражей, за которыми скрылась компания. Может, хоть спрятаться додумается? Тоже не успеет. Уже не успел. Делаю последнюю затяжку и бросаю окурочек под ноги, придавливая подошвой ботинка. Ну вот нахер мне все это надо, а?

Маша

Здесь горит один-единственный тусклый фонарь, освещая широкое пространство между двух рядов бетонных гаражей,

но этого оказывается достаточно, чтобы хорошо разглядеть Славика, лежащего боком прямо на земле, прикрывая голову руками. А вокруг него столпились несколько человек, которые периодически пинают его куда придется.

– У меня еще неделя! Мы договаривались! – верещит Славик.

– Договор закончился в тот момент, когда ты за второй плюхой пришел. – Пинок.

– Вы мне сами ее дали!

– Серый не знал, что ты уже торчишь. – Пинок. – А вот ты – знал. – Пинок.

– Я через неделю все верну!

– Нихуя. Срок тебе – сегодня. – Пинок.

Я отступаю обратно в узкий проем между серыми бетонными стенами, достаю телефон и набираю номер экстренной службы. Жду. Осторожно выглядываю из своего укрытия и вижу, что, пока я объясняла ситуацию вежливой девушке на том конце, все разговоры у них закончились. Один из парней, в короткой черной куртке и черной шапке с большими белыми буквами на лбу, который, судя по тому, как на него то и дело оглядываются остальные и тому, что все предыдущие реплики, после которых следовали пинки, принадлежали ему, в компании за главного, опять пинает Славика ногой в живот, отчего тот уже не кричит, а начинает хрипло кашлять, обнимая себя руками. До приезда полиции его просто-напросто убьют.

– Отойдите от него немедленно!

Парень в шапке вскидывает на меня взгляд и замирает. В течение нескольких секунд происходит немая сцена, после чего он плотоядно усмехается, переглядывается с остальными и делает шаг в мою сторону.

– Машка, не надо... Машка, беги... – хрипло выдыхает Славик, чуть отдышавшись, – беги, Машка...

Да куда ж я побегу-то теперь? Каблуки же...

– Только попробуйте ко мне подойти. Я полицию вызвала.

– А я уже подошел, принцесса, – произносит парень в шапке неожиданно ласково, вставая напротив меня настолько близко, что я вижу его расширенные зрачки, лихорадочно поблескивающие в бледном свете одинокого фонаря и обрамленные тонкой полоской светло-серой радужки, потрескавшиеся губы и глубокую складку между густыми темными бровями: хоть его голос и звучит сюсюкающе, он хмурится, – ты откуда тут такая красивая? Хочешь за своего дружка должок отдать?

Кладет руки мне на талию и аккуратно, можно сказать нежно, притягивает к себе.

– Пусти сейчас же, – говорю ему строго, – ты хоть понимаешь, чем тебе это грозит?

Если и понимает, ему явно плевать. Стоит и зачем-то обнюхивает мое лицо.

– Пусти ее, Леший, – хрипит Славик, который за это время поднялся на ноги и, согнувшись в три погибели, доковы-

лял до всей компании, – это соседка просто, она не при делах.

А в следующую секунду снова летит на землю, потому что один из стоящих с краю парней пинает его под колено.

Парень в шапке вновь склоняется к моему лицу и слюняво проводит языком по губам. Отстраняется и причмокивает, словно дегустатор, сделавший глоток вина из бокала. Ну и где там эта полиция?! Сколько их ждать?! Я с трудом сдерживаю рвотный позыв, поскольку изо рта у него пахнет ужасно, и с еще большим трудом сдерживаюсь, чтобы не сделать какую-нибудь глупость, которая спровоцирует его на агрессию. Не знаю, что он принимал и как давно, но последствия могут быть самые непредсказуемые.

– Напряженная какая-то... – заключает задумчиво, – сейчас, принцесса, я тебе помогу расслабиться, – продолжая держать меня одной рукой, второй лезет в карман куртки, – ротик открой, – и пытается пропихнуть мне в рот какую-то таблетку, – давай, принцесса, угощайся. Потом на своем коне тебя прокачу. Полицию ждать, уж прости, не станем.

– Убери от нее руки! – рявкает знакомый голос.

Максим...

Проходя мимо Славика, дергает его за шкурку, рывком ставя на ноги. Все шестеро, в том числе и прекративший свои попытки всунуть мне таблетку в рот парень в шапке, разом поворачиваются к нему. Я, пользуясь этой заминкой, осторожно пячусь назад, отступая.

– Ты хоть драться-то умеешь? – свистящим шепотом с беспокойством спрашивает Славик, теперь стоящий плечом к плечу рядом с Максимом.

– Меня больше интересует, есть ли им восемнадцать, потому что детей я не бью.

– Слышь, debil, тебе паспорт, может, показать, прежде чем отмудохать? – возвращается к прежнему жесткому тону главарь этой шайки, выступая вперед.

Следом раздается характерный звук, и парень со вкусом плюет Максиму прямо в лицо. Вот же гаденыш! Да как он смеет?! Перед глазами сквозь мутную пелену скачут темные мушки, и я огромным усилием воли сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него с кулаками. Говнюк малолетний! Меня, даже когда он мне свои грязные пальцы в рот пихал, так не крыло от бессильной ярости, как в этот момент. Но удивительнее всего то, как на его выходку реагирует Максим. Он не срывается, не злится, не психует и не разбрасывается угрозами или оскорблениями. Даже вытереть лицо не пытается. Только мрачно усмехается, пристально глядя парню в глаза. Это правильно. Да. Да, думаю, он правильно себя ведет. Нельзя их провоцировать. Нельзя. Их много. Может, отпустить они нас и не отпустят, но так хотя бы есть шанс оттянуть время до приезда полиции. Она придет когда-нибудь уже наконец?!

Не успеваю толком обдумать и взвесить эти мысли, яркими вспышками пронсящиеся в мозгу, как Максим едва уло-

вимо меняет положение тела, перенося вес на одну ногу, и отводит руку назад, сжимая кулак. А в следующую секунду парень со съехавшей набок шапкой мешком валится ему под ноги.

– Гаси его, пацаны! – раздается отчаянный крик, а дальше оставшиеся пятеро бросаются на него одновременно.

Это не та красивая драка, что показывают в фильмах, когда главный герой поочередно отправляет в нокаут каждого из врагов. Это грязная, мерзкая, отвратительная уличная драка, где нет никаких правил, нет поблажек и нет времени на передышку. Спустя некоторое время Максим падает, и один из парней пинает его ногой в голову. Славик бестолково суетится рядом и летит на землю от любого малейшего тычка. Но по крайней мере ему удастся отвлечь часть из них. Максим делает одному из парней подсечку, второго хватает за лодыжку, с силой дергая, и встает. Глядя на его уверенные отточенные движения, не могу не заметить, что дерется он, похоже, профессионально. Мне кажется, это бокс. То, как он двигается, то, как закрывается от сыплющихся на него ударов, как уворачивается... еще я замечаю, что он с равной силой наносит удары попеременно то одной, то второй рукой. Я и раньше заметила за ним эту особенность, еще когда в ресторане он ел сначала левой рукой, отчего я подумала, что он левша, но потом он, не задумываясь, взял вилку в правую. И когда мы ехали в машине, выкручивал руль сначала правой рукой, а потом так же уверенно левой. Таких людей называ-

ют амбидекстрами. Это те, которые с одинаковой ловкостью управляют и правой, и левой рукой. У них нет ведущей руки, как у правшей или левшей. У них они обе ведущие.

Несмотря на это, Максим падает еще трижды, прежде чем последний из парней все-таки летит лицом в лужу. Славик подбегает и с нескрываемым удовольствием пинает того носком кроссовки под зад.

– В следующий раз еще не так отделаем! – выкрикивает запальчиво и снова его пинает.

– Да хорош, блять, – холодно режет Максим и оттаскивает его за шиворот. Весь грязный, куртка в нескольких местах разорвана, на рубашке не хватает пуговиц, волосы мокрые, спутанные и липнут к лицу, а из уголка разбитой брови стекает тонкая алая струйка. Последнее скоро станет традицией.

Подходит ко мне, стоящей в стороне, и окидывает придирчивым взглядом.

– Ты в порядке?

– Да, Максим, спасибо, – оглядываю барахтающихся со стопами в грязи парней, – надо теперь, наверное, полицию дожидаться.

– А может, не будем мы их ждать? – вмешивается Славик, и его голос звучит заискивающе и слегка испуганно.

– Это еще почему?

– Меня тогда тоже заберут, – поясняет неохотно после нескольких секунд молчания и отводит глаза.

– А объяснить ты не хочешь?

– Я у них кое-что взял...

– «Сухарики»?

– Сухарики, – буркает хмуро, пиная носком кроссовки камешек под ногами. Его еще недавно белые новенькие кроссовки теперь все драные и замызганные. И двух недель не прошло, как Зоя Степановна ему их купила. И ведь не согласился на нормальные осенние ботинки, потому что «а что я, хуже других».

– Ну что поделать, Слав, придется тебе понести заслуженное наказание.

– Что, вот так просто сдашь меня ментам?

– А что мне, по-твоему, еще остается?

– Я больше так не буду, – бубнит хмуро.

Я не выдерживаю и начинаю смеяться, краем глаза замечая, как Максим тоже усмехается и качает головой из стороны в сторону.

– Слав, тебе лет сколько?

– Я умею слово держать! – взрывается обиженно, – прости меня, и я обещаю, что сяду на диету. Никаких больше «сухариков».

Откуда-то со стороны дороги доносится далекий вой сирен, мы с Максимом переглядываемся, и я решительно иду в сторону тропинки к дому за самым крайним в ряду бетонных гаражей. Веры Славiku и его обещаниями никакой, но я не представляю, что будет с Зоей Степановной, если его

сейчас действительно арестуют.

– Идем, – резко бросаю через плечо, а внутри зудит глухое раздражение. Теперь еще придется врать представителям власти, что я не знаю, кто, кого и почему лупил там, за этими гаражами. Данные-то мои записали, когда я звонила.

– Переодеться пустишь? – спрашивает идущий следом Максим, когда я ступаю на узкие деревянные мостки, перекинутые через глубокую лужу, растянувшуюся на несколько метров вдоль тропинки.

– Пущу, конечно, – тут же отзывается Славик, замыкающий шествие.

Следом за моей спиной слышится какой-то шорох и звуки возни. Звучит короткий плеск, потому что кто-то из них, видимо, не удержался на мостках и наступил в лужу.

– То есть, вообще-то, не пущу, – поспешно поправляется Славик, – у меня бабуля уже, наверное, спит. Я об этом не подумал. Вон, Маша пусть тебя пускает. Она одна живет. Да, Маш?

Я иду молча, игнорируя обоих.

– Это было максимально беспалевно, – тихо говорит Максим, продолжая идти за моей спиной, – конспиратор хренов.

– Да ладно тебе, – свистящим шепотом отзывается Славик, – она согласится. Маша добрая. Наверняка безотказная.

Не успеваю среагировать, как позади раздается глухой шлепок, судя по всему, подзатыльника.

– За разговором следи, – грубо отрезает Максим.

– Ого! Ты в нее влюбился, что ли?

– Еще слово, и я тебя в луже утоплю. Не посмотрю, что сопляк.

– Да понял, понял, – примирительно отступает Славик и, видимо, решает закрепить позиции, – Маша хорошая, мужиков не водит. По крайней мере, я не видел, – и неожиданно брякает, – сама только все время куда-то ездит.

Максим ничего на это не отвечает, у Славика же рот не закрывается ни на секунду.

– Маш, – зовет, – ему еще медицинскую помощь оказать надо. Вон как кровяца хлещет. Может, даже сотрясение.

Весь остаток пути мы слушаем его предположения о возможных последствиях страшных ран Максима, а когда доходим до дома, Максим идет к багажнику машины, припаркованной почти у самой двери в подъезд. Машина у него теперь другая. Или у него их несколько, или он, после того как я в него въехала, решил ее поменять. Не сомневаюсь, что он из тех людей, кто покупает новую технику после поломки вместо того, чтобы отремонтировать старую, даже если она еще на гарантии.

– Ого! – восклицает Славик, – охренеть какая тачка. Это твоя? А сколько такая стоит?

– Парень, – сухо отзывается Максим, вытаскивая из багажника какой-то пакет, – иди уже домой, а. Уроки делай. Нагулялся на сегодня.

– Подумаешь, – отзывается пренебрежительно, – еще ска-

жи, что тебе уроки в школе на такую тачку заработать помогли. А я вот, может, себе тоже такую куплю, – заглядывая сквозь стекло в салон, тут же забывает, что планировал обидеться, – коробка автомат, да? А за сколько до сотки разогнаться можешь?

Максим, больше не обращая на него никакого внимания, молча встает напротив меня, выдерживает мой хмурый взгляд исподлобья и так же молча идет за мной в подъезд.

– Я за тачкой пока присмотрю, не бойсь! – орет нам вслед Славик.

Я вхожу в прихожую, щелкаю выключателем и снимаю пальто, вешая его на крючок. Ставлю сапоги на специальную подставку, потому что сегодня успела хоть немного прибраться и теперь хочется сохранить порядок подольше, и иду в комнату, чтобы переодеться. Затылок и спину печет и покалывает. Смотрит на меня. Не просто смотрит. Пытается прожечь взглядом дыру. Я оборачиваюсь и указываю рукой справа от себя:

– Ванная там, Максим. Чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях.

Максим стоит в прихожей, не двигаясь и испепеляя меня мрачным взглядом исподлобья. Когда поворачиваюсь к нему лицом, задерживает взгляд на полушариях груди, выглядывающих из глубокого обтягивающего декольте кожаного, под стать юбке, топа и мрачнеет еще сильнее, стискивая челюсти, отчего красиво очерченные скулы на мужественном ли-

це напрягаются и становятся еще более отчетливыми.

– Ну хватит так смотреть. Я была на тематической вечеринке. Сейчас переоденусь.

– А ты в курсе, что если бы они тебя там трахнули за этими гаражами, то статью дали бы не им, а тебе?

– Максим, – вздыхаю, – если бы они трахнули меня без моего согласия, им должны были бы дать статью, даже если бы я голая там ходила.

– Это называет провокация, Ма-ша.

– Я была в пальто, Максим, если ты не заметил. Под ним не видно ничего. Я вообще собиралась на машине до дома доехать, если бы она не сломалась.

Какого черта я вообще перед ним оправдываюсь? Мы сейчас как какая-то семейная парочка, где ревнивый муж высказывает жене по поводу ее неподобающего вида.

– Максим, иди уже в ванную, а. Я не обязана перед тобой оправдываться, ясно?

В комнате я переодеваюсь в простенькие домашние штанишки из сиреневой хлопковой ткани и такую же рубашку на круглых белых пуговицах и иду в ванную узнать, нужна ли ему помощь. Надо проявить гостеприимство, показать, где лежит аптечка, и все такое.

Дверь Максим не запер, и я вхожу в ванную в тот момент, когда он стаскивает с себя рубашку, стоя спиной к двери.

– Боже... ты весь в синяках...

Тут и там на его спине проступили сине-багровые кро-

воподтеки. Кожа кое-где содрана. Неудивительно, учитывая, сколько раз его пнули, когда он падал. А еще у Максима, оказывается, куча шрамов. В некоторых местах это просто тонкие белесые линии, где-то видны небольшие точки рядом с более широкими неровными полосками, словно их зашивали. Над левой лопаткой – круглые пятна, похожие на следы от сигаретных ожогов. Я протягиваю руку и кончиками пальцев обвожу по контуру странные круги, чувствуя при этом, какая горячая и плотная его загорелая кожа.

– Долго еще лапать меня будешь? – не оборачиваясь, уточняет мрачно.

– Я тебя не лапаю, – отвечаю, тут же убирая руку, а мой голос, несмотря на попытку это скрыть, звучит обиженно.

Открываю дверку навесного шкафчика и вытаскиваю коробку с аптечкой.

– Потерпи. Будет щипать.

Пока я промакиваю ссадины смоченной в антисептике салфеткой, Максим стоит молча и не двигаясь. В ванной тесно и очень жарко.

– Перевернись, – трогаю его за плечо и беру новую салфетку.

Максим так же молча разворачивается и садится на край ванны. Я беру новую салфетку и аккуратно сдвигаю в сторону налипшие на лоб черные шелковистые пряди. Из уголка рассеченной брови тонкой струйкой все еще сочится алая кровь. Я прикладываю к ней салфетку, а вторую руку кладу

на рельефное мускулистое плечо, придерживая его в нужном положении, хотя Максим и так не двигается и послушно сносит все мои манипуляции. Из-за того, что он сейчас сидит, а я стою, наши лица примерно на одном уровне. Настолько близко, что я могу внимательно рассмотреть изгиб густых пушистых ресниц и еще несколько шрамов на лбу ближе к линии роста волос, которые до этого никогда не замечала за длинной, спадающей на виски челкой. Я сильнее сдвигаю в сторону гладкие темные пряди и кончиками пальцев касаюсь белеющих полос на коже. Перевожу взгляд ему в глаза и замечаю, что Максим в этот момент молча неотрывно смотрит на мои губы. Я стою между его разведенных в стороны ног, которыми он практически касается моих бедер, почти вплотную, и мне кажется, что стук моего сердца сейчас слышен не только мне, но и ему. Рядом с ним мне жарко, словно я стою рядом с полыхающим костром, и мои щеки горят огнем, а дышать тяжело, потому что каждый вдох обжигает и вынуждает дышать все чаще и чаще в попытке наполнить спекшиеся легкие нужным количеством кислорода, которого все равно катастрофически не хватает. А еще мне безумно. Безумно приятно к нему прикоснуться. Максим же меня трогать не пытается. Его руки расслабленно лежат ладонями на бедрах, а запястья и предплечья обтянуты спущенной с плеч рубашкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.